

ОДНАЖДЫ В ГЕРМАНИИ

Posted on 10.08.2020 by Mila Berezina

Немецкий мальчик оказывается вовлеченным в некрасивую историю, связанную с еврейской девочкой, в которую он влюблен. Спустя годы происходит встреча, которая приводит жизнь его, уже нацистского офицера, к непредсказуемым последствиям

1. НАТ. ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНАЯ СТАНЦИЯ. ЗИМА. ПОЗДНИЙ ВЕЧЕР

Небольшая пустынная площадь едва освещена. Сквозь сумрак с одной стороны угадываются очертания унылого вида построек. По другую сторону площади громоздятся вереницы товарных вагонов.

Крупными хлопьями падет снег. Посреди площади - автомобиль В АВТОМОБИЛЕ сидят два офицера Вермахта: майор ГЕНРИХ фон Далау и капитан МАНФРЕД фон Талштадт. Лиц не видно, лишь темные силуэты. Оба курят.

МАНФРЕД

...женщины. Не понимаю твоей неприязнительности. Все понятно: ты у нас краса и гордость нации, бабы на тебя гроздьями вешаются, выбирай любую! Но так и вкус к удовольствиям растерять недолго. Мужчина по натуре - охотник, а женщина - дичь, дикая кобылица. Выбрать из целого табуна, выследить, загнать и отловить! Но и это еще не все - ее надо объездить! Вот это и есть главное наслаждение. А когда она уже объезжена, уже не дикая кобылица, а домашняя киска - все! Выходи снова на охоту!

Генрих, затушив сигарету, заводит руки за голову, потягивается, громко зевнув, включает радиоприемник. В салон автомобиля врывается обрывок бравурной мелодии. Манфред тут же выключает приемник.

МАНФРЕД

Ты только послушай, какое открытие я сделал! Особенности женского характера полностью соответствуют повадкам и норову разводимых на данной территории лошадей!

Генрих снова смачно зевает.

МАНФРЕД

Взять восточную женщину - она так же предана, нежна и послушна, как арабский скакун. Англичанки умны, исполнительны, но не более, словно английские чистокровные. С немецкими битюгами и так все ясно. А вот славянские лошадки - это всегда сюрприз - дикие, гордые, непредсказуемые! Я думаю, ты их оценишь по достоинству!

Манфред смотрит на друга - тот сидит, сложив руки на груди, уткнувшись носом в поднятый воротник шинели.

2.

МАНФРЕД

Заснул что ли?

ГЕНРИХ

Заткнись, а? Мне в ночь дежурить! И вместо того, чтобы выспаться, я торчу здесь с тобой не известно зачем!

МАНФРЕД

(с наигранным трагизмом)

Вот так всегда - лишь черная неблагодарность в ответ на дружескую заботу!

ГЕНРИХ

Запомни - сюда я больше не ездук. Можешь осчастливить Шлоссера в следующий раз.

МАНФРЕД

(оживившись)

Шлоссера? Ведь он всецело занят Эвелиной.

ГЕНРИХ

Ты что - не знаешь мою сестрицу? Того и гляди, даст ему пинка под зад.

МАНФРЕД

Значит, место вскоре станет вакантным?

ГЕНРИХ

Побереги лучше свою шею. Этого битюга еще никому объездить не удавалось.

Слышится шум подходящего поезда. Несколько фонарей загораются вдоль фасада здания, на котором готическими буквами понемецки выведено: "Мюнхен. Товарная станция". Лучи прожекторов высвечивают замедляющий ход товарняк. Появляются охранники с собаками. Они образуют коридор между платформой и зданием станции, по которому начинает струиться людской поток.

Манфред пытается разглядеть - хорош ли "товар", но спина охранника и плотная пелена снега мешают ему. Он нажимает на клаксон, солдат отступает в сторону, и Манфред включает фары, ослепив идущих в колонне людей. Кто-то падает, и вот уже несколько человек копошатся на дороге, задерживая движение колонны.

В резком свете фар хорошо видно, как в прогал, образованный конвоирами, из общей массы людских тел вываливается маленькая фигурка. Шапка падает с головы, и волна иссиня-черных волос рассыпается по снегу.

3.

МАНФРЕД

Ты смотри - неужели еврейка?

Охранники начинают орудовать прикладами автоматов, наводя порядок в колонне.

МАНФРЕД

(энергично потирая руки)

Вот их сейчас рассортируют: мальчиков на грузовики и прямиком на танковый завод, а девочек - в здание, на станцию. Тут мы и войдем.

Генрих, бросив на приятеля снисходительный взгляд, отворачивается и прикрывает глаза.

2. НАТ. ЛАНДСБЕРГ - НЕБОЛЬШОЙ ГОРОДОК НЕПОДАЛЕКУ ОТ МЮНХЕНА. ЗИМНЕЕ УТРО

Генрих, тринадцатилетний подросток, выбегает из ворот родового имения графов Далау и мчится по заснеженным улицам. Он пробегает через Ратушную площадь и сворачивает на узкую торговую улочку. Резко затормозив, он медленно, как бы не спеша прогуливаясь, дефилирует мимо небольшого двухэтажного дома с надписью: "Ателье по пошиву дамского белья".

Он бросает нарочито рассеянный взгляд на витрину и видит РЕБЕККУ. Она, находясь между стекол витрины,

украшает елку. МАТЬ РЕБЕККИ, худая женщина с изможденным лицом, в глубине помещения разговаривает с посетительницей.

Генрих переходит на другую сторону улицы и застывает, не спуская глаз с витрины. ЗА КАДРОМ возникает звук, словно воспроизводимый старинной музыкальной шкатулкой. Дребезжащее наивное пиликанье складывается в мелодию "Серенады" Шуберта.

Ребекка - необычайно красивая девочка. На ней нарядное платье, блестящие черные локоны обрамляют фарфоровое личико, чудесные глаза цвета густой чайной заварки как бы ненароком поглядывают на него из-под длинных ресниц.

Недалеко от Генриха распаивается дверь мясной лавки. Оттуда появляется женщина в переднике и бигуди на голове. Выставив на тротуар пару корзинок, в которых виднеются пакеты, красиво перевязанные ленточками, она с явным неодобрением начинает разглядывать немую сцену перед Ателье. Следом из мясной лавки появляются два подростка. Это КУРТ и ХЕНКЕЛЬ. Женщина вручает им корзинки. Генрих по-прежнему зачарованно смотрит на витрину, ничего не замечая вокруг.

ГОЛОС ИЗ-ЗА СПИНЫ

Что, хороша жишовочка?

Генрих, вздрогнув, оборачивается. Перед ним - КУРТ и ХЕНКЕЛЬ - братья-погодки. Они выглядят старше Генриха, у Курта уже пробиваются усы.

ЗА КАДРОМ звучание музыкальной шкатулки обрывается. Братья понимающе ухмыляются. Генрих явно смущен.

4.

КУРТ

Приходи вечером перед закрытием. Познакомишься с ней поближе.

Покровительственно похлопав Генриха по плечу, Курт с важным видом удаляется. Следом за ним, подражая брату, вперевалку вышагивает Хенкель. Генрих бросает взгляд на "сказочное" окно. Девочки там уже нет. Только сиротливо поблескивает дешевыми игрушками неказистая елка.

3. НАТ.ИНТ. ЛАНДСБЕРГ. ТОРГОВАЯ УЛИЦА - АТЕЛЬЕ

Тяжелыми хлопьями падает снег. Кое-где горят фонари, тускло светятся редкие окна. Генрих подходит к ателье. Осторожно заглядывает в витрину. Там мать Ребекки подметает пол. К груди Генрих прижимает сверток, красиво упакованный и перевязанный красной лентой.

Из соседней подворотни слышится свист. Генрих поспешно засовывает подарок за пазуху. В подворотне он обнаруживает своих приятелей. С ними еще двое ребят.

КУРТ

Подождем, мать ее сейчас выйдет - поплетется на другую улицу к своей больной тетке. Помнишь ту старую еврейку, что лотерейными билетами на площади торгует? Мы еще летом побили стекла в ее киоске? А отец с обеда со своей музыкой в Мюнхен уехал. Сегодня четверг, правильно? Значит, раньше девяти не вернется. Уж весь распорядок у них изучили.

Парни закуривают, предлагают Генриху. Он, помедлив на мгновение берет папиросу и с бывалым видом прикуривает. Отвернувшись, он выпускает дым. Не оборачиваясь, он производит несколько таких “затяжек”. Затем, подражая спутникам, топчет его носком ботинка.

Заметив удаляющийся женский силуэт, парни бросаются к двери и как раз вовремя: Ребекка возится с ключами у входной двери, закрывая ателье. Втолкнув ее внутрь, они молча вваливаются следом. Хенкель сразу выключает свет и накидывает крючок на дверь. Генрих успевает заметить расширенные от испуга глаза девочки. Ребекка бросается бежать по тускло освещенному коридору, в конце которого - черный ход. Но выскочить во двор Ребекка не успевает: кто-то из парней вталкивает ее в тесную примерочную. Двое ребят хватают ее под руки, а Курт задирает ей платье. Ребекка, закричав, бьет Курта ногой в живот и, вырвавшись, выбегает снова в коридор. Там, словно окаменев, стоит Генрих. Припав к нему, она хватает его за лацканы пальто.

5.

РЕБЕККА

Помоги! Помоги мне!

Парни принимают оттащить Ребекку от Генриха. Ее глаза молят о помощи. Черные волосы разметались по плечам, облепили лицо. С улицы раздается требовательный стук во входную дверь.

РЕБЕККА

Ну сделай же что-нибудь!

Ребекка, обхватив Генриха, кричит еще громче, а парни все никак не могут оторвать ее от Генриха. Он же стоит столбом не в состоянии пошевелиться. Внезапно дверь черного входа распаивается. ОТЕЦ РЕБЕККИ стоит, держа в руках лопату для расчистки снега. Лицо его ужасно. Ребята проскальзывают мимо Генриха к выходу, а он начинает пятиться и, лишь увидев занесенную над собой лопату, опрометью бросается вон.

4. ИНТ. ЛАНДСБЕРГ. ДЕТСКАЯ В ИМЕНИИ ДАЛАУ. ПОЗДНИЙ ВЕЧЕР

Полутемную комнату освещает бра возле большого в пол зеркала и ночник у кровати. На ней лежит Генрих. Он следит за передвижением стрелок настенных часов, которые показывают двенадцатый час. Взгляд мальчика падает на маскарадный костюм, висящий на плечиках у зеркала. Рядом на пуфике разложены пышный воротник и корона из блестящей фольги.

Генрих поднимается с постели и подходит к зеркалу. Он надевает на шею воротник, а на голову - корону. Видно, что глаза и нос его распухли от слез. С ненавистью и отвращением он разглядывает свое отражение. Плюнув в него, он срывает корону с воротником и комкает их. Затем бросается на кровать и зарывается в подушки с головой.

5. НАТ. ЛАНДСБЕРГ. ПЛОЩАДЬ ПЕРЕД КИРХОЙ. УТРО

Нарядно одетые прихожане, направляются на праздничную службу в храм. Всеобщее внимание привлекает подъехавший автомобиль.

Шофер открывает заднюю дверцу. Из необъятных размеров лимузина появляется крупный мужчина с породистым лицом и пышными усами - ГРАФ ДАЛАУ. Шофер помогает выйти из автомобиля ГРАФИНЕ ДАЛАУ и старшей дочери - ЭВЕЛИНЕ ДАЛАУ.

Жена - холеная, эффектная женщина. Дочь - еще подросток, но с достоинством и грацией сознающей свою красоту юной женщины.

За ними из автомобиля показывается Генрих. Благоклонно отвечая на приветствия, семья величественно шествует к храму.

Позади родителей с мрачным видом бредет Генрих. Вдруг мальчик цепенеет от ужаса - наперерез им стремительно двигается мужчина со скрипичным футляром в руке. Это отец Ребекки. Супруги Далау останавливаются и с недоумением взирают на него. Но постепенно отчаянная решимость покидает отца Ребекки, он бормочет слова приветствия и, сняв шляпу и кланяясь, пятится назад, давая господам пройти.

6.

Пройдя немного и оглянувшись, Генрих замечает на том же месте согбенную фигуру отца Ребекки. По щекам его стекают слезы.

Презрительная усмешка искривляет губы мальчика.

6. ЛАНДСБЕРГ. СПУСТЯ ПОЛГОДА. ЛЕТНИЙ ДЕНЬ. ТОРГОВАЯ УЛИЦА - ИМЕНИЕ ДАЛАУ

Генрих неуверенной походкой приближается к ателье. Дверь и витрина его заколочены. Из мясной лавки появляется Курт и направляется к Генриху. На лице Генриха - молчаливый вопрос.

КУРТ

Свалили куда-то к своим жидам поближе. В Польшу, что ли?

(наклонившись к уху Генриха)

А мы все-таки добрались до нее. Славно позабавились!

Это сообщение он сопровождает непристойным жестом.

Вложив всю силу в кулак, Генрих бьет Курта в челюсть. Удар так силен, что парень, как подкошенный, падает на мостовую.

Генрих начинает бить его ногами, не давая Курту подняться.

Появляются люди, какие-то мужчины оттаскивают Генриха от его жертвы. Генрих вырывается и бежит, рыдая в голос и размазывая слезы по щекам.

В воротах имения Генрих сталкивается с пастором ХОЛЬСТОМ.

Оттолкнув его с дороги, он огибает дом и скрывается в аллеях парка. Пастор, крайне встревоженный, идет следом за ним.

Пастор находит Генриха в беседке на полу, корчащимся от рыданий.

ГЕНРИХ

Уйдите! Вы, со своим дурацким богом, уйдите, оставьте меня!

7. ИНТ. ЛАНДСБЕРГ. СПУСТЯ ГОД. БИБЛИОТЕКА В ИМЕНИИ ДАЛАУ

За громоздким письменным столом восседает Генрих. Напротив него – большая фотография родителей в траурной черной рамке.

Появляется пастор Хольст. Генрих не удостоивает его взглядом, погруженный в изучение разворота анатомического атласа с красочным изображением строения женского тела. Через минуту он спокойно откладывает атлас в сторону, не потрудившись даже закрыть его. Кладет руки перед собой и молча взирает на святого отца, не вставая и не предлагая ему сесть. Пастор изумлен переменной, происшедшей с мальчиком. Взгляд его светлых, совсем уже не детских глаз холоден и непреклонен.

ПАСТОР

Сын мой, я ждал тебя для исповеди много дней...

7.

ГЕНРИХ

(перебивая)

Напрасно. Мне больше не в чем исповедоваться, вернее не перед кем.

ПАСТОР

Как же это? А Бог!

ГЕНРИХ

Бога нет!

ПАСТОР

Опомнись, сын мой! Не гневи Господа и положишься на его промысел.

ГЕНРИХ

И вы говорите мне об этом? Мне?! Выходит, в том, что не стало моих родителей, заключается промысел божий?

ПАСТОР

Сын мой, воля Господа неисповедима. Нам остается смиренно принимать ее, какой бы несправедливой она нам не казалась. Да, на твою долю выпало тяжкое испытание. Но тебе необходимо выстоять. Только бесконечная вера в Господа спасет тебя. Облегчи свою душу, откройся.

ГЕНРИХ

Я не верю вам! Всю эту чушь придумали церковники, чтобы внедряться в души людям, а потом управлять ими по своему желанию!

(продолжает, невзирая на протестующие жесты пастора)

Да, да, никакого бога нет! А если и есть, то он жесток и коварен, коль делает так, что люди превращаются в трусов, скотов и убийц. Или же он слишком слаб! Все живут так, как хочется им, и плевать они хотели и на бога и друг на друга. Те, кто был мне дорог, ушли, причем по своей собственной воле ушли, или уехали - сгнули, пропали. И никто не задумался - а каково будет мне? Они просто предали меня!

Опрокинув тяжелое кресло, Генрих вскакивает и бросается прочь. У двери он останавливается.

8.

ГЕНРИХ

Никогда и никому я больше не открою свою душу, и потому никто не сможет причинить мне боль! И жить я собираюсь, как угодно будет мне, а не вашему богу! И до всех вас мне больше нет никакого дела! Вот моя последняя исповедь, святой отец!

С торжествующим видом Генрих покидает библиотеку. ЗА КАДРОМ звучит марш "Да здравствует Германия!".

8. НАТ. ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНАЯ СТАНЦИЯ МЮНХЕНА. ВЕЧЕР

В салоне автомобиля Генрих открывает глаза. Из автомобильного динамика несется "Да здравствует Германия!". Прожекторы освещают площадь, заполненную грузовиками, в которые охранники загоняют только что привезенную рабочую силу. Все они - совсем молодые юноши и даже подростки. Широкие двери станции распахнуты.

МАНФРЕД

(выключая радио)

Очнись, приятель! Покорные рабыни ждут своих повелителей.

9. ИНТ. ЗАЛ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЙ СТАНЦИИ

Какие-то люди, как в военной форме, так и штатские, небольшими группками обходят строй девушек, выстроенных в шеренгу по периметру огромного помещения. Угрюмые замкнутые лица, уродливые одежды, немыслимые шапки и платки на головах.

Генрих что-то говорит на ухо Манфреду, тот обращается к НАЧАЛЬНИКУ КОНВОЯ, который на ломаном русском языке приказывает снять головные уборы.

Генрих идет вдоль шеренги. Черноволосых девушек мало.

ГЕНРИХ слегка задерживается около каждой брюнетки и идет дальше.

Впереди маячит спина Манфреда. За ним семенит ФЕЛЬДФЕБЕЛЬ.

Манфред бесцеремонно рассматривает и ощупывает приглянувшихся ему девушек. По его знаку двух дебелих блондинок фельдфебель отводит в сторону.

Наконец, Генрих останавливается. Невысокая, хрупкая девушка стоит, низко опустив голову. Длинные черные волосы свисают вдоль спины и плеч, скрывая лицо. Подпиравшие ее с двух сторон соседки начинают толкать ее в бока. Медленно поднимая голову, девушка обнаруживает широко расставленные ноги в щегольских сапогах, шинель, портупею. Запрокинув голову, она видит лицо, словно сошедшее с плаката, воспевающего чистоту и красоту истинного представителя арийской нации. Ее прозрачные голубые глаза сталкиваются с его холодными светло-серыми, словно излучающими ледяное пламя.

Рядом возникает Манфред.

9.

МАНФРЕД

Еврейка? Еврейка?!

НАЧАЛЬНИК КОНВОЯ

(сверившись с бумагами)
АННА Седых, 16 лет, русская.

Манфред, сразу успокоившись, отправляется дальше, на ходу отдавая какие-то указания фельдфебелю. Оглянувшись, он замечает, что Генрих все еще стоит перед черноволосой худышкой. Затем, резко повернувшись, Генрих уходит.

МАНФРЕД
(фельдфебелю)
В госпиталь ее!

10. ИНТ. ВОЕННАЯ КОМЕНДАТУРА. УТРО

Настенные часы показывают без двух минут восемь. За большим, уставленным телефонными аппаратами столом восседает Генрих. Перед ним - журнал с записями, в руках - карандаш. Но глаза его закрыты. Генрих видит сон.

11. ИНТ. МЮНХЕНСКИЙ СОБОР СВЯТОГО ЯКОБА

Генрих, снова подросток, держит за руку девочку. Лица ее не видно, но по волосам и одежде понятно, что это Ребекка. Он держит ее за руку, но рука выскользает из его ладони. ГЕНРИХ всеми силами старается ее удержать, но Ребекка убегает от него. Генрих пытается ее догнать, но никак не может. И вот она оборачивается, и он видит, что это не лицо Ребекки, а лицо русской девушки. Раздается бой часов.

12. ИНТ. ВОЕННАЯ КОМЕНДАТУРА

Часы заканчивают отбивать восемь часов. Перед Генрихом, вытянувшись в струнку и приветственно вздернув руку, стоит Манфред.

МАНФРЕД
Хайль, Гитлер!

Манфред деловито вешает шинель и фуражку в шкаф, тщательно причесывается перед зеркалом, наблюдая в него, как Генрих, обхватив голову руками, массирует виски, затем встает и направляется к шкафу.

МАНФРЕД
Кто бы мог подумать, что ты столь оригинален в своих пристрастиях?

Ни слова не говоря, Генрих одевается. Манфред, пожав плечами, садится за стол и раскрывает журнал. Генрих выходит. Идет по коридору. Шаги его замедляются.

10.

Генрих снова в кабинете.

ГЕНРИХ
Где я могу ее найти?

Манфред, словно не слыша, берется за телефонную трубку и крутит диск, набирая номер. Ладонь Генриха накрывает телефон.

МАНФРЕД

Неужели все так серьезно? Я все понял. И так, без лишних слов. Известно ли тебе, что старина Манфред - настоящий друг? Известно? Нет, ты ответь!

(заметив, как сжались пальцы Генриха на телефонном диске)

Изволь - я позаботился о твоей крошке и поместил ее куда следует.

ГЕНРИХ

Где она?

МАНФРЕД

В Центральном госпитале. Сгорает от нетерпения: когда же белокурый викинг засвидетельствует ей свое почтение.

ГЕНРИХ

Кончай трепаться.

МАНФРЕД

О! Как ты груб! А я, признаюсь, рассчитывал на благодарность. Как я наивен! В наш сумасшедший век...

(осекшись)

В общем, вечером жду тебя в госпитале. В 22-00. Да, не забудь прихватить букет алых роз и надеть смокинг!

13. НАТ.ИНТ. ГОСПИТАЛЬ. ВЕЧЕР

Автомобиль Генриха въезжает в больничный двор. Открывается входная дверь, освещая фельдфебеля.

Генрих и фельдфебель идут по длинным пустым коридорам.

Фельдфебель едва поспевает за Генрихом. Наконец, они останавливаются перед дверью с надписью "Автоклавная". ГЕНРИХ входит.

14. АВТОКЛАВНАЯ

Никаких автоклавов в помещении нет, а только кровать, пара стульев и посередине стол, накрытый чем-то вроде скатерти. В круге света от лампы, свисающей с потолка - Анна. Она стоит

11.

В круге света от лампы, свисающей с потолка - Анна. Она стоит спиной к двери, не оборачиваясь ни на скрип двери, ни на звук шагов вошедшего человека.

Сняв фуражку и шинель, Генрих бросает их на кровать. Обойдя стол, останавливается перед Анной. Она застыла, опустив голову и вцепившись пальцами в край стола. ГЕНРИХ приподнимает ее лицо за подбородок. На него смотрят глаза человека, готового ко всему. В них нет ни вражды, ни покорности.

ЗА КАДРОМ раздается треньканье музыкальной шкатулки. Оно звучит на протяжении трех последующих сцен.

15. ИНТ. ДЕТСКАЯ В ИМЕНИИ ДАЛАУ. ПОЗДНЯЯ ОСЕНЬ. СУМЕРКИ

Генрих, совсем еще маленький мальчик, сидит на подоконнике.

Рядом с ним - клетка с щеглом. В руках у Генриха - музыкальная шкатулка: крошечные фигурки дамы и кавалера исполняют замысловатый танец под мелодию "Серенады" Шуберта.

Сверху доносятся отголоски родительской ссоры.

Вдруг раздается шум распахиваемого окна, и мимо Генриха что-то проносится. Прикинув к стеклу, он видит, что белый мрамор мощения, окружающего декоративный бассейн, усыпан розами.

Один цветок плавает в воде.

16. НАТ. ИМЕНИЕ ДАЛАУ. УТРО СЛЕДУЮЩЕГО ДНЯ

Первый снег укрыл деревья и землю. Генрих в расстегнутой курточке с непокрытой головой бежит к бассейну.

Неглубокая вода в нем за ночь замерзла и покрылась снегом. Перегнувшись через бортик, Генрих разгребает снег и обнаруживает розу подо льдом. Он колотит кулачками по льду, затем извлекает цветок и любуется им, не замечая, что из порезов на ладонях идет кровь.

17. ИНТ. ДЕТСКАЯ В ИМЕНИИ ДАЛАУ. ВЕЧЕР ТОГО ЖЕ ДНЯ

Дверь распахивается, вбегает Генрих. Вот он у своей кровати.

Запустив руку под подушку, что-то вытаскивает оттуда. На лице восторженное ожидание. Но на смену восторгу приходит гневное изумление: в перебинтованных руках мальчика покоится изуродованный смертью цветок. Бросив его на пол, ГЕНРИХ топчет его ногами.

18. ИНТ. ГОСПИТАЛЬ. АВТОКЛАВНАЯ. КОРИДОРЫ ГОСПИТАЛЯ

Генрих по-прежнему смотрит в лицо Анны.

ЗА КАДРОМ пиликанье музыкальной шкатулки обрывается.

12.

Генрих опрокидывает Анну на стол. Она не сопротивляется.

Перед тем, как войти в это хрупкое, почти бесплотное тело, он еще раз смотрит ей в лицо. Веки ее сомкнуты, губы плотно сжаты. И ничего кроме отвращения. Затем - гримаса боли и снова - высокомерная отрешенность. Ни слез, ни страха.

Затем она, не проронив ни звука, выходит. Генрих растерянно смотрит ей вслед. Переводит взгляд на красное пятно на скатерти.

Генрих идет по коридору. У лестничной клетки - несколько больных - курят. Увидев офицера, предупредительно расступаются, те, кто может, отдают ему честь. Но Генрих не отвечает на приветствия.

Из какой-то палаты доносится женский смех. Затем оттуда выпархивает молоденькая санитарка. Дверь остается приоткрытой, Генрих замечает там Манфреда, тискающего еще одну из своих подопечных. Генрих, не

останавливаясь, проходит мимо.

МАНФРЕД

Генрих, куда же ты?

ГЕНРИХ

Извини, друг, эти забавы не для меня.

19. ИНТ. ОФИЦЕРСКИЙ КЛУБ

Гигантская елка переливается разноцветными огнями. На стене - плакат, возвещающий о скором наступлении 1944 года. Шум и хмельное веселье вокруг.

За одним из столиков - Генрих. Он уже достаточно пьян. Какаято девица сидит у Генриха на коленях и пытается выпить с ним на брудершафт. Генрих же, размахивая бокалом с шампанским и обернувшись к соседнему столику, где горланят какую-то песню, с воодушевлением подпевает им.

20. ИНТ. КОМНАТА В НЕЗНАКОМОМ ДОМЕ

Генрих с усилием разлепляет глаза. С недоумением разглядывает незнакомую обстановку. Сквозь не задернутые шторы в окно просачивается хмурое утро. Откуда-то сбоку доносится еле слышное сопение. Рядом спина женщины. Лица ее не видно.

Только длинные волосы темнеют на белой подушке.

Генрих прикрывает глаза. И вот он видит черные волосы на снегу в свете фар. Голова медленно поворачивается, и на него смотрит Ребекка. Потом лицо это неуловимо меняется, приобретая черты русской гордячки.

Генрих привстает и, бесцеремонно схватив женщину за плечо, разворачивает к себе. Но нет, это не Ребекка и не Анна, а совершенно не знакомая женщина.

13.

Часы на стене показывают без четверти восемь.

Генрих вскакивает, болезненная гримаса искажает его лицо. Он присаживается, шаря ногами по полу в поисках сапог. Женщина берет его за руку, пытаясь удержать, но он небрежно отмахивается от нее, вскакивает снова и мгновенно, повоенному, одевается. Хватает графин и жадно пьет прямо из горлышка.

21. ИНТ. ВОЕННАЯ КОМЕНДАТУРА. УТРО

Под бой часов Генрих входит в кабинет, скидывает в приветствии руку. Вид у него на удивление бодрый. МАНФРЕД вяло отвечает на приветствие.

ГЕНРИХ

Как прошло дежурство?

МАНФРЕД

Не так весело, как в клубе. Я думал, ты после вчерашнего еле живой придешь.

Наливая чай в стакан, Манфред испытующе посматривает на Генриха.

МАНФРЕД

Для полного счастья нам осталось навестить русских куколок. Не так ли?

ГЕНРИХ

Именно так, сегодня же вечером!

Поперхнувшись чаем, Манфред отставляет стакан и удивленно таращится вслед Генриху, который скрывается в маленькой комнатке за незаметной дверцей. Через неплотно прикрытую дверь доносится журчанье воды из крана.

МАНФРЕД

(громко)

Ты передумал, или кого-то присмотрел еще?

(не дождавшись ответа, еще громче)

Ты серьезно?

ГЕНРИХ

Абсолютно.

Манфред заглядывает в комнатку. Плеснув в бритвенную чашечку кипятка из чайника, закипающего на спиртовке, Генрих разводит в ней пену и наносит ее на щеки и подбородок.

14.

МАНФРЕД

Я-то за день выплюсь, к вечеру как огурец буду. Но тебе еще целый день дежурить! Какие, к черту, девочки!

ГЕНРИХ

Ничего, в самый раз!

22. НАТ. ВОЕННЫЙ ПОЛИГОН. ЗИМНЕЕ УТРО

Новобранцы проходят военную подготовку. Группа офицеров находится на наблюдательном пункте, следя за ходом занятий. Среди них - Генрих и Манфред.

Чуть позже Генрих обходит строй. Теперь видно, что новобранцы не молоды, всем уже далеко за сорок, у многих очки. Внимание Генриха привлекают два из них. Они стоят рядом и отличить их друг от друга практически невозможно. Это близнецы-братья.

Выглядят они совсем не по-военному, впрочем, как и большинство из находящихся в строю.

23. ИНТ. САЛОН АВТОМОБИЛЯ (В ДВИЖЕНИИ) - ДЕНЬ

МАНФРЕД

Завтра снова эшелон с востока.

ГЕНРИХ

Ну и что?

МАНФРЕД

Как что? Новый табун прибывает. Те лошадки мне уже порядком поднадоели, пора новых объезжать. Что скажешь?

Генрих не отвечает. За окном простирается унылый пейзаж городских окраин.

МАНФРЕД

Говорят, ты зачистил к той девчонке. Я, признаться, не верил. Приворожила она тебя что ли? А с виду тихоня.

Генрих молча смотрит в окно. За окном улицы Мюнхена. Слышен звон колокола. Они проезжают мимо собора Святого Якоба.

Генрих внимательно вглядывается в витражи собора. Затем он закрывает глаза.

Перед его мысленным взором всплывает один из витражей и бледный лик ангела на нем. Черты его начинают оживать, превращаясь в лицо русской девушки. Взгляд голубых глаз отрешен и бесстрастен.

15.

24. ИНТ. ГОСПИТАЛЬ. ВЕЧЕР

Из автоклавной, застегивая шинель, выходит Генрих. В конце полутемного коридора - удаляющаяся фигурка Анны.

Генрих останавливается неподалеку от комнаты, в которой скрылась Анна. Там за длинным столом ужинают русские "куколки": лица их сосредоточены, быстро мелькают ложки. Анна получает порцию похлебки с куском черного хлеба, садится с краю и, не менее энергично чем подруги, принимается за еду.

Одна из девушек, обтерев кусочком хлеба края опустевшей миски, отправляет его в рот и окидывает несытым взглядом содержимое соседских мисок. Заметив Генриха, она толкает Анну в бок. Анна, бросив равнодушный взгляд в его сторону, продолжает свое занятие. Генрих поспешно покидает свой пост.

25. ИНТ. ТОРГОВЫЙ ЗАЛ РОСКОШНОГО МАГАЗИНА

Из приоткрытой двери, ведущей в служебные помещения, выглядывает женщина - миловидная толстушка средних лет. Она деловито отдает распоряжения стоящему рядом с ней молодому человеку, на вид совсем еще подростку. Внезапно, на полуслове, она замолкает. Ее взгляд застывает на только что вошедшем офицере. Инстинктивно она подбирает живот и взбивает локоны. Офицер возвышается надо всеми. Это Генрих.

И вот парень уже возле Генриха, что-то говорит ему, делая приглашающие жесты в сторону служебной двери. Поморщившись, Генрих смотрит туда, но у двери уже никого нет. Записав что-то под диктовку Генриха, паренек срывается с места, но ГЕНРИХ останавливает его. Рядом - прилавок, где торгуют разными мелочами. Генрих выбирает бутоньерку из незабудок и передает ее молодому человеку. Тот спешит к служебной двери.

Снова в проеме служебной двери возникает женщина. Губы ее пылают алой помадой, видно, что она успела нанести макияж на лицо и эффектно причесать волосы. На ее взволнованно вздымающейся груди красуется бутоньерка. Она видит удаляющегося Генриха. Какой-то служащий магазина с большим пакетом в руках сопровождает его. Входная дверь за Генрихом закрывается. Рука женщины тянется к бутоньерке, которая тут же гибнет в сжатом кулаке.

26. ИНТ. ГОСПИТАЛЬ. АВТОКЛАВНАЯ. ВЕЧЕР

Анна, оправив юбку, направляется к двери. Удержав ее за руку, Генрих протягивает ей пакет. Анна вопросительно смотрит на него. Генрих высыпает содержимое пакета на стол. Там оказываются белый хлеб, сахар, сливочное масло, колбаса, банка тушенки и большие красные яблоки. Девушка замирает не в силах отвести глаз от этих сокровищ. Слышно, как она непроизвольно сглатывает слюну.

16.

Генрих со снисходительной ухмылкой направляется к окну. Там, облачаясь в шинель, заинтересованно разглядывает что-то, хотя за окном темно. Он даже напевает что-то себе под нос.

Вдруг он слышит звук закрываемой двери. Обернувшись, он обнаруживает, что комната пуста. На столе нетронутыми лежат продукты.

Генрих выскакивает в коридор и натывается на двух "ходячих" больных. Они бросают непристойности вслед удаляющейся Анне. С удивлением переводят взгляд на перекошенное от злости лицо Генриха, машинально отдают ему честь. Генрих снова скрывается в автоклавной. Запихивает продукты в пакет и бросается вон из помещения.

27. НАТ.ИНТ. ДВОР ГОСПИТАЛЯ - САЛОН АВТОМОБИЛЯ. ПОЗДНИЙ ВЕЧЕР

Генрих быстро пересекает двор. Проходя мимо мусорного бака, с размаху кидает в него пакет, садится в машину и резко трогает с места.

Автомобиль Генриха несется по темным заснеженным улицам города. Из-за угла выворачивается какая-то фигура. ГЕНРИХ едва успевает затормозить. Фигура в испуге убегает. Генрих сидит, опустив руки и голову на руль. В памяти его всплывает удаляющаяся фигурка Анны и скабрзные ухмылки на лицах мужчин, глядящих ей вслед. Генрих круто разворачивает машину.

28. НАТ.ИНТ. ГОСПИТАЛЬ. ПОЗДНИЙ ВЕЧЕР

Автомобиль Генриха въезжает во двор госпиталя. Прожектор освещает группу санитаров, которые, связав несколько одеял, растянули их словно пожарные при спасении людей из горящего дома. Генрих выскакивает из машины и видит: на перилах веранды третьего этажа, едва держась за колонну, стоит Анна.

К Генриху подбегает фельдфебель.

ФЕЛЬДФЕБЕЛЬ

(заикаясь)

Герр майор, это - беспрецедентный случай! Не представляю, как это могло произойти! Дверь на террасу была закрыта, старшая санитарка клянется...

Генрих, схватив фельдфебеля за грудки, отрывает его от земли.

17.

ФЕЛЬДФЕБЕЛЬ

(еще больше заикаясь)

Я все сейчас расскажу. Двое больных затащили ее в палату, но она вырвалась, убежала от них и стоит там уже целых пятнадцать минут. Санитары боятся войти - вдруг она и впрямь прыгнет! А ведь я обещал господину капитану фон Талштадту, что волос с ее головы не упадет...

Генрих бросается внутрь здания.

29. В ГОСПИТАЛЕ

Взбежав на четвертый этаж, Генрих врывается в какую-то палату, сбрасывает на пол шинель. Лежащие на кроватях больные замирают. Генрих выхватывает простыни из под их одеял и связывает между собой.

Затем он распахивает окно, выскакивает из него и оказывается на верхней террасе. Одним концом простыней он обвязывает себя вокруг пояса, а другой конец прикрепляет к ограждению и перелезает через него как раз над тем местом, где стоит Анна.

А потом он прыгает вперед и вниз, налету обхватив ее ногами.

30. НАТ.ИНТ. ГРАФСКИЙ ДОМ В МЮНХЕНЕ

По неосвещенной Людвигштрассе автомобиль Генриха подъезжает к дому - великолепному особняку начала века. Дверь отворяет ГАНС - старый слуга. Генрих входит, дверь остается открытой.

Из слабо освещенной прихожей Ганс пытается разглядеть нечто, находящееся на ступеньках перед входом. Генрих, обернувшись и не обнаружив у себя за спиной никого, спускается вниз, и слегка подтолкнув девушку, заводит ее в дом, плотно прикрыв за собою дверь.

31. В ДОМЕ. ПРИХОЖАЯ

Ганс, не спуская глаз с гостя, принимает у хозяина шинель и фуражку. Из двери, ведущей в кухню, выглядывает пожилая женщина - домоправительница МАРТА. Из глубины дома доносится женский голос.

Высокая, статная, со скульптурными формами по лестнице спускается женщина, являющая собою живой образец подлинной арийской красоты. Это ЭВЕЛИНА фон Далау - старшая сестра Генриха. Они очень похожи. У нее такие же чудесные светлые волосы, серые льдистые глаза, четкий рисунок губ, надменно вздернутые брови.

ЭВЕЛИНА

Ну, наконец-то! А я решила - ты забыл какое сегодня число.

(ДАЛЬШЕ)

18.

ЭВЕЛИНА (ПРОД.)

Между прочим...

(смолкает, уставившись на девушку)

А это еще что такое?

ГЕНРИХ

Твоя новая горничная. На этот раз - последняя. Ее зовут Анна.

Эвелина с выражением крайней брезгливости на лице приближается к Анне.

ЭВЕЛИНА

В каком концлагере ты откопал этого заморыша? Какая из нее горничная? Она и утюг от стола оторвать не сможет!

Наклонившись к ней, она вглядывается в ее лицо.

ЭВЕЛИНА

(взвизгнув)

Да она еще и еврейка!

ГЕНРИХ

Успокойся - не еврейка. А где же гости?

ЭВЕЛИНА

(продолжая пристально рассматривать Анну)

Гости?! Зачем? Без гостей, зато с сюрпризом!

Генрих вынимает из кармана небольшую коробочку и протягивает сестре.

ГЕНРИХ

Это тебе.

(повернувшись к Марте)

Марта, накорми ее и дай что-нибудь из одежды. Жить она будет в гувернерской.

ЭВЕЛИНА

Спасибо за подарок! О себе, я вижу, ты тоже не забыл!

Марта ведет новоиспеченную горничную через весь дом. Фигурка девушки, обернутая в грубое солдатское одеяло, выглядит неуместно и нелепо в роскошном интерьере графского дома.

Поднявшись по лестнице на второй этаж, они попадают в большую гостиную, из которой сворачивают на половину Генриха.

19.

32. ГУВЕРНЕРСКАЯ

Марта и Анна входят. Это довольно большая комната с весьма скромной обстановкой - кровать, рядом тумбочка, письменный стол у окна, выходящего в маленький внутренний двор, и в углу, у двери - платяной шкаф. Через другую дверь они попадают в гардеробную.

33. ГАРДЕРОБНАЯ

Там еще две двери. Подойдя к одной из них, Марта распахивает ее.

МАРТА

Это – ванная. Понимаешь – ванная?

Анна кивает головой. Поджав губы, Марта указывает на другую дверь.

МАРТА

Это – комната хозяина, герра Генриха.

34. ВАННАЯ

Марта пускает воду в ванну, жестами показывает, что надо делать. Анна снимает с себя одеяло, расстилает его на полу и, сложив в него всю свою одежду, связывает его узлом. На шее у нее остается висеть какая-то плоская тряпичная сумочка. Марта протягивает руку за ней, но девушка тут же отстраняется, прикрыв ее руками.

МАРТА

Ладно, ладно, положи это на подоконник и быстро лезь в воду.

Анна, слегка поколебавшись, кладет сумочку на край подоконника и начинает осторожно забираться в ванну. На худой спине с пугающей четкостью проступают ребра и позвоночник.

Марта поспешно выходит, прихватив узел.

П35. ОЗЖЕ. ВАННАЯ

Анна, с распущенными мокрыми волосами, одетая в простое серое платье, стоит посреди ванной. Марта горестно взирает на нее - платье безнадежно велико девушке. Марта одевает Анне белый передник и завязывает его сзади на пышный бант.

36. ПОЗЖЕ. КУХНЯ

Несмотря на современную техническую оснащенность кухонного оборудования, в помещении имеется большой очаг. Посередине - огромный кухонный стол.

20.

За ним хлопочет Марта, выкладывая кушанья из кастрюль и сковородок в блюда, расставленные на передвижном столике.

В углу маленький столик, застеленный светлой скатертью. За ним сидит Анна и жадно поглощает пищу. Щеки девушки горят лихорадочным румянцем. На лбу выступил пот.

Неожиданно Марта перекладывает самый аппетитный кусок мяса, венчающий сооружение из мясного ассорти, на маленькую тарелочку и ставит его перед Анной. Подобие благодарной улыбки освещает лицо девушки. Но она, уже совсем обессилив, отрицательно крутит головой.

МАРТА

Ешь, ешь! Тебе окрепнуть надо, вон худая какая - одна кожа, да кости!

Марта придвигает ближе тарелочку с мясом к Анне. И вдруг Анна доверчиво приникает к ее руке. Марта стоит столбом, не смея пошевелиться. Затем она неловко выпрастывает свою руку.

МАРТА

Что ж это я! Господа-то заждались!

Она поспешно покидает кухню, толкая перед собой передвижной столик.

37. ОБЕДЕННЫЙ ЗАЛ

По разные концы длинного стола восседают Генрих и Эвелина.

Закуски на тарелке Эвелины не тронуты. Она курит, наблюдая, как Генрих с аппетитом расправляется с едой. Она делает знак Гансу, и он подливает ей вина. Марта вкатывает столик.

38. ПОЗЖЕ. ГУВЕРНЕРСКАЯ

Анна в постели. Над кроватью горит бра. Рука Анны тянется к выключателю. В это время коридоре раздаются шаги. Дверь отворяется. На пороге Генрих, а рядом с ним огромная немецкая овчарка. Грозно зарывав и оскалив зубы, пес подается корпусом внутрь комнаты.

ГЕНРИХ

(собаке)

Сидеть!

(Анне)

Ему не понравится, если ты снова вздумаешь бродить по балконам.

Генрих уходит. Пес садится на задние лапы, вперив немигающий взгляд на Анну. А она, в свою очередь, не сводит восхищенных глаз с собаки.

21.

АННА

(по-русски)

Какой ты красивый! Иди сюда, ну, иди же!

Пес высовывает язык, озадаченно склоняет голову в одну сторону, потом в другую. Затем ложится на пол, вытянув передние лапы, кладет на них голову и прячет в лапах нос.

Потом приоткрывает один глаз, другой, и подползает ближе.

Анна со слабой улыбкой наблюдает за ним.

39. ПОЗЖЕ. ГУВЕРНЕРСКАЯ

Генрих заглядывает в комнату. Анна крепко спит. Рука ее свесилась с кровати и покоится на холке собаки. Заметив хозяина, пес сконфужено прижимает уши и уползает под кровать.

Генрих выключает свет и, выйдя из комнаты, плотно закрывает за собой дверь.

40. НАТ. ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ ВОКЗАЛ. ДЕНЬ

Идет отправка на фронт. Солдаты выстроены в длинную шеренгу.

Это те самые немолодые новобранцы, за учениями которых ГЕНРИХ наблюдал ранее. Напротив них - оцепление, за ним - провожающие - жены и дети новоиспеченных солдат. ГЕНРИХ проходит вдоль строя.

В конце шеренги он замечает братьев-близнецов. Внезапно среди провожающих напротив них возникает сумятица - одна из женщин теряет сознание. Ее подхватывают два юноши. Они тоже БЛИЗНЕЦЫ и очень похожи на отъезжающих солдат-близнецов. Один из солдат близнецов, делает движение по направлению к ним, но брат силой вытягивает его назад в строй. Младший офицер подбегает к ним, но Генрих знаком останавливает его и следует дальше.

Звучит команда, и динамик взрывается бравурным маршем.

Колонна солдат направляется к веренице вагонов. Вслед им машут платочками заплаканные женщины.

41. ИНТ. ГРАФСКИЙ ДОМ

Нетвердой походкой Генрих приближается к гувернерской, из которой, выключив свет, осторожно выходит Марта. Увидев Генриха, она прикрывает дверь, но не двигается с места, словно пытаясь загородить собою вход.

ГЕНРИХ

Чем занята наша горничная?

МАРТА

Спит, герр Генрих.

ГЕНРИХ

Как, уже спит?

22.

МАРТА

Она такая слабенькая, ей надо побольше спать!

Генрих берется за ручку двери. Марта не уходит.

ГЕНРИХ

В чем дело?

Поджав губы, Марта ретируется.

42. ГУВЕРНЕРСКАЯ

Генрих входит и включает свет. Пес, лежащий у кровати, встает, приветственно размахивая хвостом, но покидать свой пост не собирается. Генрих кивает ему головой в сторону двери. Пес садится на задние лапы и преданно

смотрит хозяину в глаза.

ГЕНРИХ

Пошел вон!

Пес нехотя трусит из комнаты и усаживается за порогом. ГЕНРИХ с раздражением захлопывает дверь.

Генрих стоит посреди ярко освещенной гувернерской. Китель его расстегнут. Руки засунуты в карманы брюк. С тупым, свойственным нетрезвому человеку, выражением лица он взирает на спящую Анну. Бледное лицо ее слилось бы с подушкой, если б не разметавшиеся по ней пряди черных волос.

Внезапно Генрих подходит к кровати и, сдернув с девушки одеяло, бросается на нее. Он даже не снял сапог.

43. ИНТ. ГРАФСКИЙ ДОМ. ДЕНЬ

Марта и Анна поднимаются по лестнице на третий этаж. У Анны в руках – швабра, у Марты – небольшое ведерко с водой. Они останавливаются перед огромными резными дверями.

МАРТА

Протрешь влажной тряпкой пол. Только здесь - на площадке, и в коридорчике. Сюда, в покои старых хозяев, не ходи. (горестно кивает на дверь)

Туда только я хожу, да и то очень редко – убраться, чтобы пылью не заросло.

44. ИНТ. КУПЕ ПУЛЬМАНОВСКОГО ВАГОНА (В ДВИЖЕНИИ)

В купе - граф Далау. Он в шикарном дорожном костюме с сигарой во рту. В купе заглядывает продавец газет.

45. НАТ.ИНТ. ГРАФСКИЙ ДОМ. РАННЯЯ ВЕСНА. СУМЕРКИ

23.

Ранняя весна. Кое-где на газонах виднеются потемневшие островки талого снега. Черные кляксы ворон на голых ветвях деревьев. Из подъехавшего лимузина в том же дорожном костюме с пальто через руку появляется отец Генриха. Он быстро направляется к главному входу. Громко хлопнувшая дверца - словно выстрел в сонной предвечерней тиши улицы. Вороны, пронзительно каркая, срываются со своих насестов.

46. В ДОМЕ

В прихожей графа встречает Ганс. Вид у него встревоженный. Граф стремительно поднимается по лестнице на третий этаж. Испуганные горничные буквально выпархивают у него из-под ног. Граф распаивает двери супружеских покоев и видит свою жену в объятиях полуодетого мужчины. Лицо графа становится багровым.

С безумным взглядом он бросается к секретеру и выхватывает из потайного ящичка пистолет. Первая пуля валит наповал любовника, вторая - неверную жену, а третью он пускает себе в лоб.

Вбежав в родительскую спальню, Генрих видит три окровавленных тела. Мать его, обнаженная, лежит поперек кровати. Она еще жива. Она агонизирует, протягивая к сыну окровавленную руку.

За спиной Генриха появляется Эвелина. Ее истошный крик вспарывает напряженную тишину дома.

47. ИНТ. ГРАФСКИЙ ДОМ. ДЕНЬ

Анна усердно драит пол. Но взгляд ее прикован к ключам, висящим у злополучной двери.

Снизу раздается какой-то шум. Анна выглядывает из-за перил и видит, что Эвелина, одетая в шикарную шубу, спускается в прихожую. Слышно, как за ней закрывается входная дверь.

Анна на цыпочках подходит к ключам и, поколебавшись, все-таки снимает их. Ключа два. Один из них, что побольше, Анна вешает назад, с опаской покосившись на злополучную дверь. А другим ключом она осторожно отпирает дверь в конце небольшого коридорчика.

48. В КОМНАТЕ

Не дыша входит она в полутемную комнату. Сразу становится ясно, что эта заброшенная комната служила в прошлом детской комнатой Эвелины. Детская ровать под балдахином. Множество пуфиков и шкафчиков, заставленных куклами и игрушечной мебелью.

24.

Анна с упоением разглядывает все эти сокровища. Выбрав самую красивую куклу, она подносит ее к окну, любуется ею и, взяв ее словно младенца, ходит с нею, рассматривая детские рисунки и вышивки в рамках, в обилии развешенные по стенам. На одном из столиков Анна обнаруживает игрушечные трюмо, креслице и шкатулку с украшениями для кукол. Усадив в креслице куклу, она расчесывает ей волосы. В шкатулке она находит дивный бисерный бантик и начинает прилаживать его к волосам куклы. Но взгляд ее падает на большой фотоальбом в кожаном тисненном переплете. Бантик так и остается у нее в ладони.

Подперев щеку кулачком, Анна принимается рассматривать фотографии. С каждой из них на нее смотрят счастливые прелестные лица маленьких Эвелины и Генриха. И везде их окружают родители. На одной фотографии два маленьких сорванца в набедренных повязках с оперением на головах и луками за спиной корчат в объектив грозные рожицы, не видя, как сзади к ним подкрадывается отец с поливочным шлангом в руках.

И только на последней фотографии Эвелина и Генрих вдвоем. В черных траурных одеждах, тесно прижавшись друг к другу, они стоят у входа в осиротевший дом. Просто двое испуганных одиноких детей.

Дверь комнаты внезапно распаивается. На пороге появляется запыхавшаяся Марта.

МАРТА

Анна, что ты здесь делаешь? Пойдем скорее, госпожа вне себя от ярости. Говорит, понесла серьги в фонд помощи детям-сиротам, а там оказалось, что коробочка пустая.

Анна вскакивает и бежит следом за Мартой.

49. КОМНАТА ЭВЕЛИНЫ

Несмотря на то, что за окнами яркий зимний день, его свет меркнет во множестве тяжелых, насыщенных тонов

драпировок - на окнах, балдахине над кроватью, на диванах и столиках. Шуба Эвелины брошена на кресло, сумочка и перчатки валяются на полу. Сама хозяйка мечется по комнате, словно тигрица в клетке. В руках у нее пустая коробочка из-под сережек.

Анна с Мартой испуганно замирают на пороге. Эвелина, схватив Анну за руку, тащит ее на середину комнаты.

ЭВЕЛИНА

Мерзавка, показывай немедленно, где ты их спрятала?
(выворачивает карманы юбки Анны)
Может быть, ты во рту их держишь? Открой рот, тебе говорят!

25.

Анна открывает рот, и Эвелина со всей силы бьет ее по лицу.
Девушка падает. Охнув, Марта бросается поднимать ее.

ЭВЕЛИНА

А ты, старая корова, будешь
защищать эту дрянь?!
Марта, опустив глаза, отходит в сторону.

ЭВЕЛИНА

(Анне)
Раздевайся!

Анна снимает с себя все и, переступив через горку одежды,
выпрямляется, глядя прямо перед собой. Эва обходит вокруг девушки, откровенно рассматривая ее и брезгливо улыбаясь.

ЭВЕЛИНА

И что только мой братец нашел в ней? Не понимаю. Да он просто извращенец!

Сразу словно потеряв интерес к происходящему, Эва подходит к трюмо и, взяв расческу, проводит ею по волосам. В локонах ее вспыхивает драгоценный камень.

МАРТА

Смею заметить, фройлен, серьги, которые вы ищете - у вас в ушах.

ЭВЕЛИНА

И действительно!

Она внимательно изучает свое отражение в зеркале, пудрит нос, подкрашивает губы.

ЭВЕЛИНА

Вероятно, я их примеряла вчера, да забыла снять. Ступайте. Марта, через полчаса подай мне кофе!

Анна, подхватив свою одежду, выбегает из комнаты. Следом скрывается Марта. Эвелина смотрит на то место, где

только что стояла Анна. Какой-то блестящий предмет валяется на полу.

Подняв его, Эвелина с изумлением взирает на него. Это – кукольный бантик.

50. ИНТ. ГРАФСКИЙ ДОМ. ГОСТИНАЯ. ВЕЧЕР

В огромной комнате полутемно. Звучит музыка, извлекаемая иглой видавшего виды патефона. На диване, освещенная настольной лампой, полулежит Эвелина. Она курит сигарету, вставленную в длинный мундштук, и слушает музыку. Это - Вагнер, “Битва богов”. Сквозь музыку еле слышно пробиваются трели звонка из прихожей. На столике перед Эвелиной наполовину опорожненная бутылка коньяка и пустой бокал.

26.

Звонок смолкает. Слышно, как внизу кто-то ходит, хлопают двери. Затем в гостиной появляется Генрих. Эвелина, не реагируя на его появление, наполняет свой бокал. Генрих молча проходит мимо сестры в другую дверь, ведущую в коридор на его половину.

Затем он снова стремительно появляется в гостиной, включает верхний свет и выключает патефон.

ГЕНРИХ

Где они?

ЭВЕЛИНА

Кто - “они”? Марта? Ганс? Или наш милый песик? О, и как я сразу не догадалась! Ну конечно же - Тристан ищет свою Изольду.

(после длинной паузы, нарочито серьезным тоном)

Приходили из гестапо и забрали ее... на конкурс красоты “Мисс Дахау”.

(звонко смеется)

ГЕНРИХ

Прекрати! Где она?

ЭВЕЛИНА

Бомбят все чаще. Думаю, нам скоро предстоит перебраться в подвал навсегда. Вот они и наводят там порядок. И, будь уверен, прекрасно чувствуют себя вместе. Все души не чают в твоей Джульетте. А твой грозный пес просто ходит за ней по пятам... У него теперь она хозяйка, а не ты! Просто удивительно, как сильна тяга к консолидации у всех низко организованных существ!

(многозначительная пауза)

Но это все объяснимые вещи. Не могу понять только одного - как это ничтожество смогло окрутить тебя? Тебя?!

На скулах у Генриха проступают желваки. Он выходит, ничего не ответив.

51. НАТ.ИНТ. МЮНХЕН. ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНАЯ СТАНЦИЯ. ВЕЧЕР

Отходит товарный состав. Ворота станции открыты. В проеме черным силуэтом вырисовывается фигура мужчины. Это Генрих. Он смотрит на то, что происходит внутри.

Там ровными рядами стоят гробы. Вокруг суетятся солдаты.
Генрих уходит. Фигура его растворяется в темноте.

27.

52. ИНТ. ГРАФСКИЙ ДОМ В МЮНХЕНЕ. ГУВЕРНЕРСКАЯ. НОЧЬ

В комнате темно. Внезапно с шумом распаивается дверь. В дверном проеме - черный силуэт Генриха. Раздается рычание собаки. Ярко вспыхивает под потолком лампа.

Генрих сильно пьян. Мутные от алкоголя и злобы глаза впиваются в девушку. От испуга ее словно вдавило в спинку кровати. Грозное рычание пса перерастает в лай.

ГЕНРИХ

Пошел вон!

Пес не двигается с места, шерсть на холке становится дыбом.

Генрих на нетвердых ногах подходит ближе и, пнув собаку ногой в бок, падает на постель рядом с Анной. И тут же пес бросается на Генриха, вонзив зубы в его руку.

ГЕНРИХ

Ах ты, падаль! На хозяина!

Свободной рукой Генрих выхватывает пистолет из кобуры и, приставив дуло ко лбу собаки, нажимает на курок. Раздается выстрел. Пес падает замертво. Анна пронзительно кричит.

АННА

(на чистом немецком языке)

Ты, ты - зверь! Ты - настоящий зверь!

Генрих, мгновенно протрезвевший, стоит над мертвой собакой. В комнату заглядывает насмерть перепуганная Марта.

ГЕНРИХ

(Марте)

Позови Ганса, пусть уберет.

В дверях Генрих сталкивается с сестрой. Она в пеньюаре, на голове бигуди. Отсутствие косметики делает ее лицо незнакомым и удивительно молодым.

ЭВЕЛИНА

(злым шепотом)

Не в того выстрелил!

53. НАТ.ИНТ. ГРАФСКИЙ ДОМ. ВЕЧЕР

Автомобиль Генриха пробирается по темным улицам города, старательно объезжая лужи и кучи талого снега на обочинах дороги. Автомобиль въезжает во двор спящего дома.

54. В ДОМЕ. ВАННАЯ

Генрих полотенцем вытирает лицо. На полу он замечает кровь.

28.

55. ГУВЕРНЕРСКАЯ

Генрих включает свет, подходит к кровати.

Анна без сознания. Лицо ее горит. Она что-то шепчет на своем языке. Генрих откидывает одеяло: простыня и рубашка - все в крови.

Генрих почти бегом бросается прочь из комнаты.

Возвращается он уже с Мартой. Марта, всплеснув руками, начинает суетливо бегать вокруг девушки, бестолково поправляя постель и что-то горестно причитая.

ГЕНРИХ

Что это значит?

МАРТА

В толк не возьму, герр Генрих. Знаю только, что девочка очень расстроилась из-за собаки, не выходила из комнаты целый день и попросила меня не поручать ей ничего. Я подумала, что покой, хотя бы на один день, ей не помешает. Я и не заходила к ней. **ГЕНРИХ**

(с горечью)

Покой? Он был ей нужен, чтобы спокойно умереть. Марта, что делать?

МАРТА

Герр Генрих, боюсь, нам может помочь только фройлен Эва.

ГЕНРИХ

Пожалуй, ты права.

56. ПОЗЖЕ. ГУВЕРНЕРСКАЯ

Генрих снова появляется в комнате, садится на стул. Марта, всхлипывая, присаживается на другой. Они смотрят на Анну.

Слышно тиканье настенных часов.

Наконец, подобная злой фурии, на пороге вырастает Эвелина.

ЭВЕЛИНА

Неужели из-за этой твари меня следовало поднимать среди ночи?!

Генрих молча приподнимает одеяло. Нижняя губа Эвы брезгливо оттопыривается.

ЭВЕЛИНА

Да у нее выкидыш!

29.

ГЕНРИХ

Выкидыш?!

ЭВЕЛИНА

Да, да, самый обыкновенный выкидыш.

ГЕНРИХ

Я не знал, что она беременна.

ЭВЕЛИНА

Ах, бедный мальчик до сих пор не знал, не ведал, откуда берутся дети. Наконец-то ему открылась тайна: что бывает с маленькими девочками, когда их трахают взрослые дяди!

ГЕНРИХ

Я не предполагал, что...

ЭВЕЛИНА

Что это недоразумение, это недоразвитое существо в состоянии зачать? Да от такого жеребца, как ты, и египетская мумия понесет!

ГЕНРИХ

Эва, прошу тебя, помоги. Вызови своего врача.

ЭВЕЛИНА

Что такое? Ты меня просишь? Это что-то новенькое. И, главное - о ком?! Ты, я вижу, совсем спятил.

(направляется к двери, но, не дойдя, останавливается и бросает через плечо)

Ладно, будь по-твоему. В отличие от кое-кого я всегда плачу за удовольствия.

ГЕНРИХ

Какое удовольствие ты видишь в этом?

(кивает в сторону Анны)

ЭВЕЛИНА

Удовольствие видеть тебя таким жалким и таким зависимым от меня. Хотя бы ненадолго.

57. НАТ.ИНТ. ГРАФСКИЙ ДОМ. ПОЗДНИЙ ВЕЧЕР

Автомобиль Генриха останавливается перед домом. Из него поспешно выходит Ганс, и, открыв заднюю дверцу, помогает выбраться ДОКТОРУ. Затем из глубины автомобиля он извлекает объемистый саквояж.

30.

В ГОСТИНОЙ

Комната ярко освещена. Появляется доктор, следом - Ганс с саквояжем в руке. Доктор - далеко немолодой господин, с добрым усталым лицом.

Навстречу ему встают Генрих и Эвелина. Эвелина некоторое время сопровождает доктора, что-то объясняя ему. Лицо доктора по мере ее рассказа вытягивается. Генрих провожает их тревожным взглядом.

Но вот Эвелина возвращается. Молча плюхается она в кресло и, взяв из коробки сигарету, вставляет ее в мундштук. ГЕНРИХ предупредительно щелкает зажигалкой. Эвелина с удовольствием затягивается.

58. ПОЗЖЕ В ГОСТИНОЙ

Генрих и Эвелина сидят друг против друга, курят. Эвелина с нескрываемой иронией поглядывает на брата. Но вот появляется доктор, и Генрих встает.

ДОКТОР

У девушки, действительно, был выкидыш, и возникла опасность развития сепсиса. Но теперь заражения можно не опасаться. Проблема в другом: она очень слаба, истощена и, к тому же, потеряла много крови - ей необходимо переливание. В общем, больную надо срочно госпитализировать.

ГЕНРИХ

Это невозможно.

ДОКТОР

Это необходимо.

ГЕНРИХ

Она - русская.

Брови доктора поползли вверх. Он позволяет себе бросить изучающий взгляд на Генриха.

ДОКТОР

Тогда необходимо сейчас же влить кровь, и не мало!

ГЕНРИХ

Я согласен, у меня первая группа, возьмите сколько надо.

Раздается смех Эвелины.

31.

ЭВЕЛИНА

Ну что вы, доктор, разве можно совместить кровь истинного арийца и низкосортной плебейки? Она даже плоть его выносить не смогла!

Доктор, опешив, переводит встревоженный взгляд с Эвелины на Генриха. Похоже, этот великан готов разорвать сестру на части. Взяв Генриха под руку, доктор спешит увести его к больной.

59. ПОЗЖЕ. ГОСТИНАЯ

Люстры погашены. Свет падает через широкий проем из освещенного холла. Генрих и доктор, выйдя из темноты, замирают на фоне освещенного квадрата. Они разговаривают, не замечая Эвелины, по-прежнему восседающей в кресле. Она - вся внимание.

ДОКТОР

(доверительно заглядывая Генриху в лицо)

Граф, как врач, я вам обязан сказать: этой девушке, пока она не окрепнет, вести половую жизнь противопоказано, тем более - беременеть, и уж ни в коем случае нельзя рожать - это ее убьет. Последние годы у нее, очевидно, были тяжелыми, поэтому в физическом развитии она явно отстает. Ей необходимы усиленное питание и покой. Вы понимаете, что я имею в виду?

ГЕНРИХ

И сколько должен длиться этот покой?

ДОКТОР

Полтора-два месяца минимум.

ГЕНРИХ

Почему так долго?

ДОКТОР

Простите, граф, это очень деликатный вопрос, и, наверное, его даже не стоит обсуждать.

ГЕНРИХ

Стоит. Будьте откровенны.

32.

ДОКТОР

Ну, коль вы настаиваете... Видите ли, мне не понравилось состояние того, что я увидел. Такое бывает или при несоответствии физических размеров органов партнеров, или при грубом обращении с женщиной, или при ее нежелании участвовать в совокуплении. Или при всем этом одновременно.

60. ИНТ. ГРАФСКИЙ ДОМ. УТРО

Генрих, с фуражкой в руке и на ходу застегивая плащ, приближается к двери гувернерской. Переминается с ноги на ногу, не решаясь войти. Вдруг дверь распахивается, едва не задев его. Генрих успевает отпрянуть и встать за нее. Марта с расстроенным лицом выносит поднос с едой, к которой, судя по всему, Анна не притронулась.

Генрих входит. Анна, увидев его, отворачивается к стене.

Потоптавшись на месте, Генрих покидает комнату.

61. НАТ. ЦЕНТР МЮНХЕНА. ПОЛДЕНЬ

Генрих и Манфред выходят из комендатуры. Не торопясь, шествуют они по залитой весенним солнцем улице. По

обочинам дорог бегут ручейки. Из динамиков доносится бравурная музыка. Манфред оживлен как всегда, он о чем-то увлеченно рассказывает другу. Генрих слушает его вполуха, рассеянно отвечает на приветствия встречаемых военных.

На перекрестке друзья приостанавливаются, пропуская колонну солдат. Но вот звук их шагов стихает. Генрих и МАНФРЕД двигаются вдоль витрин магазинов. Навстречу попадают молодые женщины. Они с интересом поглядывают на офицеров, особенно на Генриха, но он не замечает их. Манфред же, наоборот, окидывает каждую оценивающим взглядом, наиболее привлекательным расточает улыбки и прочие знаки внимания.

Вдруг в поле его зрения попадают двое пожилых солдат. Судя по их виду, они только вернулись с фронта. Один при ходьбе опирается на костыль, у другого рука на перевязи. Видно, что они успели уже принять не одну кружку пива. Манфред суровоет лицом и, остановив незадачливых вояк, начинает проводить с ними воспитательную работу.

Генрих, не обратив внимания на исчезновение друга, продолжает свой путь. Внимание его привлекает стайка молодых девушек, на вид совсем еще школьниц. Они поглощены изучением витрины ювелирного магазина.

Пройдя немного, Генрих останавливается и решительным шагом возвращается назад.

33.

62. ИНТ. ГРАФСКИЙ ДОМ. КУХНЯ. ВЕЧЕР

Марта вытирает посуду. Из прихожей раздается мелодичный перезвон колокольчика, слышны шаги за дверью. Появляется Генрих. В его глазах - немой вопрос.

Марта отрицательно качает головой. Снимает салфетку с подноса. На нем тарелки с нетронутой пищей и раскрытая коробочка, в которой покоится роскошная золотая цепочка с медальоном.

МАРТА

(осторожно)

Не мое дело советы давать господину, но мне кажется, если герр Генрих сам ее попросит, она послушается и станет кушать. Только надо с ней ласково поговорить. Ведь она еще совсем ребенок.

63. ИНТ. ГРАФСКИЙ ДОМ. ГУВЕРНЕРСКАЯ. ДЕНЬ

В комнате светло - из не зашторенного окна падает сноп солнечного света. Легкий ветерок из открытой форточки колышет прозрачную занавеску. Отчетливо слышно тиканье настенных часов. Анна лежит с открытыми глазами, взгляд ее обращен внутрь себя, она словно вслушивается, как жизнь медленно, словно нехотя, уходит из нее.

Внезапно ее внимание привлекает посторонний звук. АННА поворачивает голову и видит посреди комнаты... щенка. Он нетвердо стоит на толстых лапах, таращась по сторонам и тихо повизгивая.

С трудом поднявшись, Анна направляется к щенку. А он, в свою очередь, заметив единственный живой предмет в этом незнакомом пространстве, заковылял к ней.

За дверной портьерой скрывается Генрих и наблюдает, как два этих беспомощных существа приближаются друг к другу, как Анна, присев, прижимает к себе этот круглый пушистый комочек, и как щенок, счастливый и благодарный, лизнув свою замечательную находку в лицо, начинает бестолково тыкаться носом в шею девушки.

ЗА КАДРОМ начинает звучать знакомая мелодия из музыкальной шкатулки.

Генрих принимается осматривать себя, будто видит впервые. Он переводит взгляд со своих больших ладоней на тонкие руки Анны, ласкающие щенка, и плечи его начинают сутулиться, шея втягиваться, словно все тело его пытается съежиться, уменьшиться, сделаться соразмерным двум этим крошечным существам.

Шумно втянув в себя воздух он поворачивается, чтобы уйти, но замирает, поймав устремленный на себя взор.

34.

Мало того, она улыбается - во весь рот, глядя прямо ему в лицо!

Генрих медленно входит в комнату.

АННА

(на чистом немецком языке!)

Это мне? Она заговорила! Да, к тому же, на его языке!

ГЕНРИХ

Да.

АННА

Ты не убьешь его?

ГЕНРИХ

Нет.

Щенок, уставший барахтаться в ненадежных, слабых руках, падает на пол, напустив при этом небольшую лужицу.

Анна переводит сияющий взгляд на Генриха. Знакомая жесткая маска сползает с его лица, губы асинхронно двигаются, пытаясь растянуться в простую человеческую улыбку. Мышцы лица никак не могут справиться с этой непривычной работой.

А щенок стоит посреди лужи и обиженно скулит.

Анна снова смотрит на Генриха. Перед ней на коленях сидит огромный взрослый мужчина, а на лице его светится совершенно глупая мальчишеская улыбка. Запрокинув голову, Анна начинает смеяться. Она то смотрит на Генриха, то на щенка и хохочет, не в силах остановиться.

Генрих начинает смеяться тоже. Сначала это звучит как довольно глупое "гы"-канье, и только потом перерастает в обычный человеческий смех.

В дверь заглядывает Марта. Увиденное потрясает ее.

Внезапно Анна перестает смеяться.

АННА

Спасибо.

Она пытается встать, но в глазах у нее темнеет и она начинает падать. Генрих подхватывает ее и осторожно укладывает на кровать.

Входит Марта, вытирает лужу. Расстилает коврик для щенка и рядом ставит блюдце с молоком. Анна лежит, закрыв глаза. Генрих сидит рядом.

35.

ГЕНРИХ

(мучительно подбирая слова)

Я очень прошу тебя поесть и принять лекарства.

АННА

Хорошо.

Марта с подносом словно вырастает из-под земли.

64. ИНТ. ГРАФСКИЙ ДОМ. ПОЗДНИЙ ВЕЧЕР

65. КОМНАТА ГАНСА

Свет от абажура освещает Ганса, сидящего в кресле, радиоприемник и фотографии в рамках на стене. Из радиоприемника несется трескотня диктора, вещающего о головокружительных успехах немецких войск на восточном фронте.

Ганс раздраженно крутит ручку настройки. Звучит спокойная чарующая мелодия. Ганс переводит взгляд на фотографии, развешанные на стене. Почти на всех них запечатлено графское семейство. Ганс выдвигает ящик стола и извлекает оттуда металлическую коробку. И нее он с благоговением достает и рассматривает старые поздравительные открытки. Все они подписаны графиней Далау, матерью Генриха и Эвелины. А затем он извлекает ее фотографию и любуется, покачиваясь в такт музыке.

Внезапно в мелодию, доносящуюся из радио, вплетается треньканье входного звонка. Ганс быстро укладывает все назад, прячет коробку в ящик и шаркающей походкой торопится в прихожую, по дороге застегивая пуговицы форменной куртки.

66. ПАРАДНАЯ ЛЕСТНИЦА

По ней поднимается Генрих. Заспанная Марта спешит за ним следом.

МАРТА

Герр Генрих изволит ужинать?

Генрих, не оборачиваясь и не останавливаясь, делает отрицательный жест.

67. КОМНАТА ГЕНРИХА

Генрих выходит из ванной. На нем короткий до колен халат. Вид у Генриха крайне усталый. Подойдя к кровати, он

валится на нее как подкошенный. Протягивает руку к ночнику и засыпает прежде, чем рука успевает нащупать выключатель.

36.

Во сне Генрих видит улыбающуюся Анну. Но черты ее лица вдруг застывают, становясь прозрачными, преображаясь в лик ангела с витража собора Святого Якоба.

Поверхность витража вдруг начинает сферообразно вздвигаться, грозя поглотить Генриха. Он отчаянно машет руками. Сфера перед мысленным взором Генриха лопається, со звоном разлетаясь на мелкие кусочки.

Генрих, резко опустив ноги на пол, вскакивает. Коротко вскрикнув и извергнув ругательство, он направляется к выключателю. Вспыхивает верхний свет. Около кровати валяются осколки разбитого ночника. Из ступни Генриха сочится кровь.

68. ГАРДЕРОБНАЯ

Генрих выходит из ванной. Ступня у него забинтована. Он останавливается у двери гувернерской. Он явно борется с желанием войти туда. Наконец, решившись, он, крадучись, входит.

69. ГУВЕРНЕРСКАЯ

В свете ночника Генрих видит Анну. У нее лицо ребенка, спящего безмятежным сном. Волосы разметались по подушке, глаза и губы неплотно прикрыты, щека покоится на сложенных ладонях.

Он подходит ближе, наклоняется и проводит ладонью по щеке.

Почувствовав прикосновение, девушка зашевелилась, собираясь повернуться на другой бок. Но вместо этого она, потершись щекой о его ладонь, возвращается в прежнее положение. Рука Генриха оказывается в плену этих ладошек, теплой щеки и губ, которые, почмокав во сне, доверчиво прижимаются к его ладони.

Генрих стоит согнувшись. Лицо его искажено чудовищной внутренней борьбой. Наконец, осторожно высвободив руку, на негнущихся ногах он выходит из комнаты.

70. ИНТ. ГРАФСКИЙ ДОМ. СТОЛОВАЯ. УТРО

Из распахнутых окон в комнату радостным гомоном птиц вливается чудесное весеннее утро. Генрих и ЭВЕЛИНА завтракают. Эвелина критически оглядывает брата.

ЭВЕЛИНА

Воздержание тебе, явно, не на пользу. Посмотри, в кого ты превратился за этот месяц - одна твоя постная физиономия чего стоит!

ГЕНРИХ

У меня очень много работы.

37.

Входит Анна, и Генрих, пораженный, застывает на месте: за месяц, во время которого он намеренно избегал ее, АННА невероятно похорошела. Исчезла бледная синюшность кожи. И тело, и черты лица ее округлилась. Теперь в контрасте с роскошными черными волосами кожа ее кажется ослепительно белой, на щеках играет нежный румянец. Под высокими дугами бровей в густых ресницах растворена прозрачная голубизна глаз.

С безмятежным видом она расставляет чашки, разливает дымящийся кофе. А Генрих не может оторвать взгляда от горделивой шеи, от тонких, совершенной формы пальцев. Как прекрасна и как далека она от него!

Анна выходит из столовой. Генрих смотрит ей вслед. Эвелина с острым любопытством наблюдает эту сцену.

ЭВЕЛИНА

Ромео, кофе остынет. А евреечка твоя и впрямь хороша. Да вот только ты ее нисколько не волнуешь... Подумать только! Мой брат - краса и гордость Рейха, предмет неустанного вождения всей женской половины высшего света - мучается от неразделенной любви к какой-то приبلудной девчонке, которая и в грош-то его не ставит!

ГЕНРИХ

Заткнись, сука!

Он резко встает, едва не опрокинув стул, и покидает комнату.

71. ИНТ. РЕСТОРАН "БАЙЕРИШЕ ХОФ"

Генрих, Манфред, еще несколько офицеров и молодых женщин расположились за большим столом в центре зала. Все веселы и достаточно пьяны. Исключение составляет Генрих. Он мрачен и по виду трезв, хотя перед ним почти пустая бутылка водки. Налив стопку, он опрокидывает ее залпом.

Всеобщее внимание привлекает шумная компания, пересекающая зал по диагонали. В центре ее - ЭРНА Ганфштенгль. Глаза Генриха хищно сужаются.

72. ИНТ. РЕСТОРАН "БАЙЕРИШЕ ХОФ". ПЯТЬ ЛЕТ НАЗАД

Столы составлены в виде огромного каре, вокруг которо

ГИТЛЕР

Прошу подняться Хелен Ганфштенгль, Эрну Ганфштенгль и Эвелину фон Далау.

38.

Женщины с недоумением на лицах встают.

ГИТЛЕР

Как истинный ценитель женской красоты, к которым я имею смелость себя причислять, предлагаю тост за трех самых красивых женщин Баварии.

Гитлер поднимает свой бокал и адресует легкие поклоны каждой из названных женщин. Мужчины вскакивают, вздымая свои наполненные бокалы.

Заинтересованный настойчивый взгляд Генриха устремлен на Эрну. Она отвечает ему улыбкой, исполненной одновременно торжества и кокетства.

73. ИНТ. РЕСТОРАН "БАЙЕРИШЕ ХОФ"

Эрна с высокомерно-неприступным видом несет свое заметно располневшее с того времени, но по-прежнему великолепное тело, небрежно отвечая на доносящиеся отовсюду приветствия.

Генрих встает и идет ей навстречу.

ЭРНА

Не снится ли мне это! Так ты вернулся! Живой и невредимый!

ГЕНРИХ

Почти невредимый.

ЭРНА

Говорят, там был настоящий ад!

ГЕНРИХ

Говорят.

ЭРНА

А я только из Берлина. И снова встречаю тебя, как в первый раз здесь, в "Байерише хоф". Как это символично!

ГЕНРИХ

(перебивая)

Через час я жду тебя в автомобиле у входа в ресторан. Договорились?

ЭРНА

Зачем же через час? Через двадцать минут!

Повернувшись, Эрна величественно шествует вглубь зала.

39.

74. НАТ. УЛИЦА ПЕРЕД ВХОДОМ В "БАЙЕРИШЕ ХОФ"

Из ресторана выходит Генрих и направляется к своему автомобилю. За его спиной раздается дробный стук каблучков. Распахнув дверцу автомобиля, Генрих ждет, когда Эрна устроится на переднем сиденье.

75. НАТ. В АВТОМОБИЛЕ (В ДВИЖЕНИИ)

ЭРНА

Мы едем к тебе или в гостиницу?

ГЕНРИХ

Посмотрим.

ЭРНА

Когда ты вернулся?

ГЕНРИХ

Несколько месяцев назад.

ЭРНА

Ты здесь уже несколько месяцев, а я узнаю об этом только сейчас! Гадкий мальчишка! Ты совсем забыл о своей маленькой Эрне!

Генрих внезапно сворачивает к безлюдному парку и останавливает автомобиль. Выходит, открывает заднюю дверь.

ГЕНРИХ

Пересядь сюда.

ЭРНА

А-а-а, так ты все-таки скучал по мне!

Она устраивается на заднем сиденье. И Генрих принимается выпрастывать ее пышные формы из чересчур тесных одежд.

ЭРНА

Какой ты нетерпеливый! Ну, не здесь же!

ГЕНРИХ

Именно здесь!

Он поднимает подол ее длинного платья, обнажив мясистые бедра. Эрна, слегка оттолкнув Генриха, перебрасывает через него ногу на сиденье. При этом движении ее впечатляющий бюст, едва прикрытый смело декольтированным платьем описывают перед его носом внушительную траекторию. Брезгливая гримаса трогает лицо Генриха.

А Эрна уже блаженно закатывает глаза, обхватив его ногами, притягивает к себе и жадным ртом ищет его губы. ГЕНРИХ отстраняется и с ненавистью смотрит на ее рот.

40.

Вдруг его пятерня накрывает всю нижнюю часть лица Эрны, и пальцы впиваются в мякоть кожи. Глаза Эрны начинают вылезать из орбит. Мычание, вырвавшееся из-под ладони Генриха, отрезвляет его. Он покидает заднее сиденье и садится за руль.

ГЕНРИХ

Извини. Сейчас отвезу тебя назад в ресторан.

76. НАТ. В АВТОМОБИЛЕ. ПОЗДНИЙ ВЕЧЕР

Генрих въезжает во двор своего дома. Выключает двигатель. Откидывается на спинку сиденья. Ладони сжаты в кулаки. С усилием разжав их, кладет на колени. Закрывает глаза. Перед его мысленным взором мелькают женские лица: красивые, и не очень, блондинки, брюнетки, шатенки и даже темнокожие. И весь этот шквал искаженных похотью или страхом лиц разбивается о непроницаемо бесстрастное лицо Анны. Генрих выходит из автомобиля, с силой захлопывает дверцу.

77. ИНТ. ГРАФСКИЙ ДОМ

Фигура Генриха приближается к гувернерской. Он идет, печатая шаг, взрывая тишину спящего дома. На ходу он сбрасывает плащ и фуражку.

Рывком открывает дверь гувернерской, включает свет. В комнате пусто. Из-за неплотно прикрытой двери в гардеробную доносится шум воды. Генрих входит в гардеробную, берется за дверную ручку ванной и замирает: высокий чистый голос по-русски выводит "Серенаду" Шуберта.

78. В ВАННОЙ

Генрих входит. Анна лежит в наполненной до краев ванне и продолжает петь. Из крана тонкой струей льется вода. Почувствовав на себе взгляд, Анна привстает, но, увидев Генриха, снова погружается в воду. Она не сводит с Генриха перепуганных глаз. Он стоит, вперив в Анну тяжелый взгляд.

Потом резко разворачивается на каблуках и выходит, хлопнув дверью.

79. ПО ДОРОГЕ В БУФЕТНУЮ

Генрих натывается на стул и пинком с размаху подбрасывает его в воздух, срывает со стола скатерть, вдребезги разбив тяжелую хрустальную вазу. Все, что попадает ему по пути, летит на пол.

80. В ВАННОЙ

Встревоженная Анна стоит, кутаясь в махровое полотенце. С перекошенным от злости лицом в комнату врывается Эвелина.

41.

ЭВЕЛИНА

Ты что - не дала ему?

АННА

Он сам не захотел.

ЭВЕЛИНА

Ах, вот оно что! Мы, видите ли, соблюдаем советы врачей! Нам, оказывается, жалко девочку! Теперь уже из спальни Генриха доносятся глухие удары об стену. Анна и Эвелина смотрят на стену - полочка и зеркало сотрясаются в такт ударам.

ЭВЕЛИНА

(прикидывает что-то в уме)

Выходит, он еще две недели будет беситься, а я буду вынуждена все это терпеть! Гадина, навязалась на нашу голову!

Эвелина отвешивает Анне хлесткую пощечину и выскакивает из ванной, с силой захлопнув за собой дверь. У Анны вырывается вздох облегчения.

81. НАТ. ВОЕННЫЙ ПОЛИГОН. ВЕСЕННИЙ ДЕНЬ

НА СТРЕЛЬБИЩЕ

Генрих, Манфред и несколько офицеров выходят из наблюдательного пункта. Генрих что-то выговаривает младшему офицеру.

В это время подъезжает несколько автомобилей, из которых появляются высокопоставленный офицер и несколько чинов помладше. Генрих со своими офицерами приветствуют приезжих.

Все вместе они заходят в наблюдательный пункт.

Сквозь подзорные трубы гости наблюдают за стрельбами. Они явно недовольны.

82. ПОЛОСА ПРЕПЯТСТВИЙ

Новобранцы, практически все немолодые мужчины в возрасте за пятьдесят, с большим трудом преодолевают препятствия.

Приезжие гости с надменным видом прощаются со свитой Генриха, садятся в свои автомобили и уезжают. Генрих жестко распекает младших офицеров.

42.

83. В АВТОМОБИЛЕ

Генрих с Манфредом медленно проезжают мимо площадки, где новобранцы отрабатывают приемы владения оружием в условиях рукопашного боя. Все они представляют собою жалкое зрелище.

Генрих взрывается.

ГЕНРИХ

(шоферу)

Останови!

Выйдя из автомобиля, снимает китель и направляется к новобранцам. Отобрав четыре человека, он приказывает им напасть на него. Они бросаются на него гурьбой, размахивая автоматами. Генрих в несколько приемов прикладом своего автомата укладывает всю четверку на землю.

Генрих вызывает еще четверых. Эти оказываются более серьезными оппонентами. Генриху приходится потратить в два раза больше времени, чтобы уложить и их. Но последний из бойцов успевает ткнуть Генриха прикладом в бок. ГЕНРИХ сгибается пополам.

Генрих медленно подходит к автомобилю, надевает китель.

МАНФРЕД

У тебя кровь.

Генрих опускает взгляд. На форменной рубашке чуть выше пояса расплылось кровавое пятно.

МАНФРЕД

Ты же сюда был ранен!

Генрих, расстегнув пару пуговиц, заглядывает под рубашку.

ГЕНРИХ

Ерунда, шов немного разошелся.

МАНФРЕД

(шоферу)

Давай в госпиталь!

ГЕНРИХ

Отставить! Завезете меня к моему доктору. Он мне это без всякой канители подлатает.

МАНФРЕД

Но освобождение он же тебе не даст!

ГЕНРИХ

К черту освобождение!

43.

МАНФРЕД

Хорошо, я напишу рапорт, что дежурю ночью вместо тебя. Ты и так почти две недели за всех нас отбарабанил.

ГЕНРИХ

Отбарабаню и сегодня.

На выезде с военного полигона они проезжают мимо шеренги юношей из Гитлерюгенд. Взгляд Генриха задерживается на двух братьях-близнецах, которых он запомнил по сцене на вокзале во время проводов на фронт новоиспеченных солдат, среди которых находились другие близнецы - их отец и дядя.

84. ИНТ. ГРАФСКИЙ ДОМ. ВЕЧЕР.

ГОСТИНАЯ

Эвелина сидит на банкетке перед радиоприемником, крутит ручку настройки. Сквозь треск и дробный речетатив немецких дикторов она, наконец, находит английскую радиостанцию.

ДИКТОР

(на английском)

Вчера, двенадцатого мая, советские войска завершили Крымскую наступательную операцию, в результате которой освобождены Крым и главная морская база русского Черноморского флота - Севастополь. 17-я полевая немецкая армия полностью разгромлена.

Треск в радиоприемнике усиливается, заглушая речь английского диктора. Эвелина с досадой снова крутит ручку приемника.

Треск прекращается, врывается чистое звучание немецкой радиостанции.

ДИКТОР

Войска Вермахта продолжают героически сражаться, отражая атаки русских на Севастополь...

Эвелина с раздражением выключает радио.

85. КУХНЯ

Марта вытирает посуду и ставит ее в буфет. Ганс сидит перед радиоприемником и с недоверчивым видом слушает ту же немецкую радиостанцию, качает головой. Марта вздыхает. В прихожей раздается звонок, и Ганс спешит открыть входную дверь.

ХОЛЛ.

По лестнице быстро поднимается Генрих. Марта выходит ему навстречу.

44.

ГЕНРИХ

Ужинать не буду. Ты свободна.

86. ВАННАЯ

Анна в махровом халате расчесывает мокрые волосы.

87. ГУВЕРНЕРСКАЯ

Входит Анна. На ее кровати, до пояса укрывшись одеялом, обнаженный, полулежит Генрих. Губы его плотно сжаты, на виске отчетливо пульсирует вена. Напряженные мышцы застыли огромной бугристой массой. Анна застывает на месте, не смея поднять глаз.

ГЕНРИХ

Сними это.

Анна покорно сбрасывает халат. Зрелище юной прекрасной плоти невыносимо. Застонав, Генрих прикрывает глаза.

ГЕНРИХ

(откинув одеяло)

Иди сюда!

Анна оказывается верхом на Генрихе. Тело ее начинает равномерно вздыматься в такт движениям Генриха. АННА зажмуривается в привычном предчувствии боли. Но ожидание не подтверждается, сменившись удивлением. Затем она уже с интересом следит, как страдание и восторг попеременно отражаются на лице Генриха.

88. ПОЗЖЕ

Громко тикают часы. Анна лежит, слегка отодвинувшись от Генриха, который словно на время забылся. Лицо его еще попрежнему напряжено и мокро от пота. Анна украдкой рассматривая его тело, совершенство которого нарушают только рубцы от ран - на плече и под ключицей. На боку - шов свежезашитой раны. Анна закрывает глаза.

89. ПЯТЬ ЛЕТ НАЗАД. ИНТ. МОСКВА. КВАРТИРА, ГДЕ ПРОЖИВАЕТ СЕМЬЯ АННЫ

Полутемная комната. Высокие потолки. Простая обстановка.
Комната чем-то напоминает гувернерскую мюнхенского особняка.

У окна стоит девочка. Вдоль спины - две длинные косы. Рядом на подоконнике клетка с парой канареек. Но девочка смотрит на улицу. За окном белым-бело: идет снег, сквозь плотную пелену которого просматриваются купола Василия Блаженного, а далее, еле различимо, зубцы Кремлевской стены.

45.

Слышится стон. Девочка оборачивается. Это Анна. Ей двенадцать лет. Она направляется к кровати, над которой зажжен ночник. На кровати лежит женщина. Она стара и истощена болезнью. Глаза ее закрыты. Рядом на тумбочке пузырьки с лекарствами, стакан с водой и несколько использованных ампул.

Анна присаживается рядом. Смачивает мокрой салфеткой губы старухи.
Из глубины квартиры вдруг доносится шум и крики, звон разбитой посуды. Анна напрягается. Старуха снова стонет.

МОЛОДОЙ МУЖСКОЙ ГОЛОС

(на фоне продолжающегося шума)
Не смей трогать маму!

ГОЛОС ВЗРОСЛОГО МУЖЧИНЫ

Ах, ты, сопляк, сучье отродье, на отца вздумал руку поднять!

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС

(истошно)
Сынок, беги!

Раздается топот бегущих ног. Анна вскакивает и прячется за штору. Одна за другой хлопают двери. Старуха начинает метаться в постели, все лицо ее мокро от пота.

Внезапно дверь распахивается, и на пороге появляется ОТЕЦ Анны. На нем синее военное галифе и расстегнутая наполовину гимнастерка, в петлицах которой алеют эмалевые ромбы. Во вскинутой руке - браунинг. Он высок, статен, и светловолос.

Черты лица грубы, но не лишены мужественной привлекательности. Пьяными мутными глазами он осматривает комнату. Старуха по-прежнему мечется и стонет, но взгляд мужчины не задерживается на ней. За его спиной возникает фигура миниатюрной темноволосой женщины. Это - МАТЬ Анны.

МАТЬ АННЫ

Спрячь оружие. Ты дома, а не у себя в лубяньских застенках. Дай своей матери хотя бы умереть спокойно, животное!

Отец Анны тупо таращится на старуху. Опустив браунинг, уходит. Следом удаляется мать.

Вытирая слезы одной рукой, в другой держа контейнер со шприцем, снова появляется мать Анны. Анна держит старуху за руку, пока мать делает ей укол.

После Анна стоит, прижавшись к обнявшей ее за талию матери.

На лице старухи - умиротворение. Слышно ее ровное свистящее дыхание. Из соседней комнаты раздается молодецкий храп.

46.

90. ИНТ. ГУВЕРНЕРСКАЯ

Анна открывает глаза и смотрит на Генриха. Глаза его попрежнему закрыты, но лицо спокойно и умиротворено. Догадка озаряет лицо Анны.

АННА

(тихо, по-русски)

Я - твоя болезнь, и я - твое лекарство!

Она пытается отодвинуться от Генриха, но он тут же возвращает ее назад и накрывает своим телом.

91. НАТ. ЛАНДСБЕРГ. ИМЕНИЕ ДАЛАУ. УТРО

92. В АВТОМОБИЛЕ

Генрих и Анна подъезжают к воротам. Там их уже ждет старый служитель имения. Он открывает ворота, кланяется Генриху, пытаясь рассмотреть при этом его спутницу.

93. ПАРК ПЕРЕД ДОМОМ

Генрих и Анна идут по широкой аллее. Солнце ярко светит, деревья в цвету. Впереди с веселым лаем мчится заметно повзрослевший щенок.

94. ЛУЖАЙКА ПЕРЕД ОРАНЖЕРЕЕЙ

Вид у оранжереи неухоженный, но сквозь стекло проглядывает буйная растительность - распустившиеся розы, пионы и цветущие кусты. Лужайка заросла молодой травой.

На одной из скамеек сидит Генрих. Он курит и наблюдает, как резвятся девушка и собака: Анна бросает палочку,

щенок мчится за ней, но отдавать ее не хочет. И Анна обманом выманивает палочку у него.

Затем Анна принимается собирать ромашки и васильки, в обилии разросшиеся повсюду. Скрывшись за пышным кустом розмарина, она усаживается на траву и начинает плести венок.

Генрих обходит куст и остановился перед нею. По выражению его лица она догадывается, что последует за этим. Ее оживление гаснет, уступив место покорной отчужденности.

95. ПОЗЖЕ. ЛУЖАЙКА

Анна садится, натягивает на ноги подол юбки. Рядом на спине лежит Генрих. Он тоже приводит себя в порядок. Бросив взгляд на Анну, он видит, как она, что-то поправив на груди, начинает застегивать ворот блузки.

47.

Он тут же перехватывает ее руку и извлекает у нее из-за пазухи плоский мешочек на толстом шнурке. Вцепившись в свой "медальон", Анна затравленно смотрит на Генриха.

ГЕНРИХ

Покажи - что там?

Анна пытается отстраниться, но Генрих крепко держит ее.

ГЕНРИХ

Тогда я сам это сделаю. Ты этого хочешь?

Сняв дрожащими руками "медальон", Анна прижимает его к груди.

Голова ее низко опущена. Генрих приподнимает ее лицо за подбородок и обнаруживает, что губы у нее дрожат тоже, а глаза наполнились слезами.

ГЕНРИХ

Не бойся, я не съем твое сокровище.

Генрих забирает у нее "медальон" и вынимает оттуда одну за другой две многократно сложенные фотографии. На одной из них Анна в окружении родителей и брата. На другой снимке, более давнем, судя по всему, богатая и очень знатная семья. Поразительной красоты женщина (мать Анны) присутствует на обеих фотографиях.

ГЕНРИХ

Кто эти люди?

Анна сидит спиной к Генриху. По лицу ее текут слезы.

АННА

Мои родственники.

ГЕНРИХ

Расскажи про них.

Анна вытирает слезы и поворачивается. Она водит пальцем по старой фотографии.

АННА

Это родители моей мамы. Они - князья, жили в Грузии. После революции им всей семьей пришлось эмигрировать. Сейчас они где-то в Америке. Вот только маму мою им не удалось с собой забрать: к тому времени она уже была замужем. Пансион в Петербурге, где она обучалась, был захвачен латышскими стрелками. Один из них и был мой отец. Он безумно влюбился в мою маму и насильно женил на себе.

48.

ГЕНРИХ

Судя по форме, он занимает высокий пост.

АННА

(с горечью)

Занимал. Да, он был большим начальником в НКВД. Как-то раз, когда родители в очередной раз поссорились, мама сказала отцу, что только революция может простого деревенского парня сделать генералом, и то при условии, что он не человек, а чудовище! Он чуть не убил ее тогда.

ГЕНРИХ

Он был такой же зверь, как я?

АННА

Еще хуже.

ГЕНРИХ

(ухмыльнувшись)
Благодарю!

АННА

Звери здесь ни при чем. Жестокими бывают только люди. А звери... Просто у них нет воображения. Они не знают, что делают кому-то больно, когда расправляются с добычей. Если б они это представляли, то не смогли б никого съесть и все бы вымерли.

Генрих откидывается на спину, погрузившись в траву.

ГЕНРИХ

А что случилось с твоей семьей?

АННА

Летом сорокового родителей арестовали и чуть позже расстреляли как врагов народа... Брат учился в военном училище... О нем ничего не знаю.

ГЕНРИХ

А кто спас тебя?

АННА

Мама. За месяц до ареста она отправила меня на каникулы к дальним родственникам нашей домработницы.
(ДАЛЬШЕ)

49.

АННА (ПРОД.)

Так я стала жить на глухом украинском хуторе у добрых людей под видом их племянницы. В мой последний вечер, проведенный в родительском доме, в Москве, мама дала мне эти фотографии, рассказала, кто она на самом деле, назвала свою подлинную фамилию и велела хранить все это в глубокой тайне.

ГЕНРИХ

Это она научила тебя немецкому языку?

АННА

Да. Английскому и французскому тоже.

ГЕНРИХ

Дальше.

АННА

Дальше? Затем была оккупация, голод, холод и страх.

ГЕНРИХ

Тебе было очень страшно?

АННА

Да. Очень. Мне вообще всегда было страшно.

АННА

Я до смерти боялась отца. Я боялась людей - мне казалось, они ненавидят меня - ведь я была дочерью душегуба. Потом я стала дочерью врагов народа, и, не дай Бог, кто-нибудь проведал об этом. А после я боялась только фашистов. Однажды у нас на хуторе появились каратели: искали партизан. Они подожгли дом и убили моих приемных родителей. Я все это видела - пряталась в копне сена. А потом не выдержала и побежала. Один солдат погнался за мной. Я оказалась у реки. Берег в том месте был высокий. Плавать я не умела. И вот тогда я перестала бояться всего сразу. Наверное, я просто устала это делать. И я прыгнула.

Анна замолкает. Издалека доносится звон колокола.

50.

ГЕНРИХ

Что было потом?

АННА

Не знаю точно. Мне казалось, что я поднимаюсь высоко-высоко в небо и вижу, как мое тело несет река. Потом был какой-то свет, и я увидела маму. Она сказала, что ждет меня, но еще не пришло время, и что мне надо выполнить свое предназначение - спасти чью-то душу. А потом я буду счастлива... Очнулась я на берегу гораздо ниже по

течению реки. Жители прибрежной деревни подобрали меня. Когда наступила зима, молодежь из окрестных сел согнали в районный город и повезли в Германию. Так я попала сюда.

ГЕНРИХ

И теперь ты не боишься смерти?

АННА

Не боюсь. Там хорошо. Там меня любят и ждут. Это здесь я никому не нужна...

(тихо)

Разве тебе чуть-чуть.

96. НАТ. АВТОМОБИЛЬ В ДВИЖЕНИИ. ДЕНЬ

Генрих и Анна покидают имение. Служитель машет им во след.

Анна сидит на переднем сиденье рядом с Генрихом. На коленях у нее какой-то сверток. Развернув его, она обнаруживает любимую детскую игрушку Генриха - музыкальную шкатулку. Анна бережно приоткрывает крышку, и кавалер с дамой принимаются исполнять свой затейливый танец под "Серенаду Шуберта".

Глаза Анны светятся восторгом и благодарностью. На лице Генриха - довольная улыбка.

Автомобиль спускается по небольшому серпантину, прорезающему поросший лесом склон. Анна дремлет. Руки ее обвивают покоящуюся на коленях шкатулку. На крутом повороте машину заносит. Девушку бросает к Генриху, и она так и остается сидеть, уютно прижавшись к его плечу.

Внезапно машина останавливается. Открыв глаза, Анна смотрит на Генриха: лицо его будто закаменело. Стиснув зубы, он смотрит прямо перед собой. Анна, испуганно отпрянув от него, забивается в угол.

Генрих выходит из машины. Прислонившись к капоту, закуривает.

Анна напряженно следит за ним.

51.

Докурив сигарету, Генрих снова садится за руль. Поймав встревоженный взгляд Анны, он вдруг протягивает руку и неловко гладит ее по голове.

ГЕНРИХ

Мотор перегрелся, теперь все нормально, поехали.

97. ИНТ. ГРАФСКИЙ ДОМ В МЮНХЕНЕ. КОМНАТА ЭВЕЛИНЫ. ВЕЧЕР

Входит Эвелина. С порога бросает сумочку на кресло и застывает, пораженная необычным зрелищем: в больших напольных вазах стоят охапки цветущего жасмина, на туалетном столике красуется букет розовых пионов, а трюмо венчают два незатейливых веночка из васильков и ромашек. Комната благоухает, настоящее лето заполнило ее, словно и нет вокруг кошмара, именуемого войной.

Эвелина нажимает на кнопку вызова прислуги. Одно за другим распахивает настежь окна. Взявшись за виски, словно у нее заболела голова, она замирает, прислонившись к подоконнику. Появляется Марта.

ЭВЕЛИНА

Кто это сделал?

МАРТА

(невнятной скороговоркой)

Герр Генрих ездил в Ландсберг проведать поместье, и там было так много этих цветов, что грех было их не привезти.

ЭВЕЛИНА

Выходит, герр Генрих собирал там цветы для меня?

МАРТА

(упавшим голосом)

Нет, не герр Генрих. Анна.

ЭВЕЛИНА

Сюда ее, немедленно!

Входит Анна, и полыхающие злостью глаза Эвелины впиваются в девушку.

ЭВЕЛИНА

Зачем ты это сделала?

АННА

(потупив голову)

Я хотела сделать вам приятно.

ЭВЕЛИНА

Это еще зачем?

52.

Анна робко поднимает голову и смотрит на Эвелину. Так смотрят на прекрасную статую, у которой по неосторожности отбили часть тела - руку или нос.

АННА

Вы такая красивая и такая...

Осекшись, Анна опускает голову.

ЭВЕЛИНА

Какая?

Анна еще ниже опускает голову.

ЭВЕЛИНА

Ну, договаривай!

АННА

(еле тихо)
Несчастливая...

ЭВЕЛИНА

Вон отсюда!

98. ИНТ. ГРАФСКИЙ ДОМ. ПОЗДНИЙ ВЕЧЕР

Ганс открывает дверь Генриху. Генрих устало поднимается по лестнице. Навстречу ему спешит встревоженная Марта.

МАРТА

Герр Генрих! Госпожа заперлась у себя в комнате, уж который час никого не пускает! Только слышно, как плачет без перестану. Как бы с ней опять не случился нервный припадок!

Генрих нехотя сворачивает на половину сестры. Из-за двери доносятся глухие рыдания.

ГЕНРИХ

Эва, Открой дверь!

Никакой реакции.

ГЕНРИХ

Ты хочешь, чтобы я выломал дверь или прострелил замок?

По-прежнему, никакого ответа. Генрих вынимает пистолет, взводит курок.

ГЕНРИХ

Через минуту я буду стрелять.

Щелкает замок, и Эвелина впускает брата. Подходит к окну.
Раздвинув шторы, прижимается лбом к стеклу.

53.

ГЕНРИХ

Что случилось?

ЭВЕЛИНА

Ничего не случилось.

ГЕНРИХ

Я задал вопрос.

Генрих садится в кресло. Ноги он кладет на кофейный столик.
Эвелина резко оборачивается. Лицо ее покрывают красные пятна, глаза распухли от слез.

ЭВЕЛИНА

Ты хочешь знать, что случилось? Да вот что.
(Указывает на цветы)

ГЕНРИХ

Не нравятся? Прикажи убрать.

ЭВЕЛИНА

Неужели ты не понимаешь, в чем дело, салдофон несчастный!
(садится, комкая в руках мокрый платок)

Это твоя зазноба принесла их сюда. Она, видите ли, хотела сделать мне приятно. Ангелица небесная! Она и не подозревает, что мне в сто раз было бы приятней, если б она, а заодно и вы все отправились ко всем чертям!

Генрих забрасывает ногу на ногу и достает сигарету.

ГЕНРИХ

Проще будет, если ты сама туда отправишься.
(закуривает)

ЭВЕЛИНА

Я всегда знала, что ты ненавидишь меня!
(срывается на визг)

Все, все меня ненавидят! Для всех вас я только паскудная стерва! А ты не задумывался, почему я стала такой? Ведь наш папочка ничего лучше не придумал, как пустить себе пулю в лоб, стоило только ему узнать, что его облапошили, как старого педика! А кто вернул все назад - и деньги, и дома, и заводы? Может быть ты?

(ДАЛЬШЕ)

54.

ЭВЕЛИНА(ПРОД.)

(Пытаясь успокоиться, закуривает тоже)

Ты прекрасно знаешь, кто все это вернул! Только не догадываешься, чего мне это стоило! И я была такая же чистая и нежная, как она

(кивок в сторону двери)

с той только разницей, что ее трахает самый шикарный мужик Вермахта, а мне приходилось подстилаться под каждую жирную свинью, которая только имела касательство к нашему фамильному добру. Каково мне было? Ты никогда не думал об этом?

ГЕНРИХ

Я думал, это твое личное дело - с кем спать. К тому же ты всегда отличалась экстравагантным вкусом. А вот насчет разницы ошибаешься. Она жизнь свою потерять не боится, а ты за свое добро готова лечь под кого угодно.

ЭВЕЛИНА

(задыхаясь от гнева)

За с в о е добро! Ах, вот как! А к тебе это добро отношения не имеет?! Да ты хотя бы понимаешь, что, не верни я вовремя наше состояние, твои кости давно б уже сгнили гденибудь под Москвой! Кому бы ты нужен был здесь, если б не являлся хозяином чуть ли не половины всех местных военных предприятий? Да ты только и делал всю жизнь,

что пользовался теми благами, что она
(делает красноречивый жест внизу живота)
добывала!

ГЕНРИХ

Можешь считать, что твой брат в пятнадцать лет стал альфонсом. А надо было стать сутенером. Тогда б мы были в одной упряжке, и ты бы меня не упрекала?

Скабрезная ухмылка сползает с лица Генриха, и его тяжелый взгляд упирается в сестру.

55.

ГЕНРИХ

Запомни одно: я свое отбарабанил сполна в Африке, потом на Сицилии, и не в России я сейчас вовсе не по твоей милости! Забыла, наверное, как полгода назад в госпитале молила Господа, чтоб не дал мне умереть?

ЭВЕЛИНА

О, да, конечно, наш герой снискал себе славу, убивая и насилая в знойных пустынях Африки и на берегах солнечной Сицилии! А сейчас такие же убудки, как ты, делают то же самое в восточной Европе. Только один вопрос - кому все это надо? И зачем? Чтобы доказать всему миру, что арийцы - самая великая нация? Что немецкие мужики самые что ни на есть первоклассные в мире? Только неполноценные идиоты могут доказывать это таким способом. Если мужчина умен, силен и действительно - мужик - это видно всем, тут и доказывать ничего не надо. Жалкое скопище плебеев, импотентов и кретинов, вот вы кто!

ГЕНРИХ

Это ты мне?

ЭВЕЛИНА

Считай, что к тебе относится только последнее.

ГЕНРИХ

Да, сегодня Шлоссер тебя, явно, не долюбил.

Эвелина пропускает это замечание мимо ушей и нервно затягивается.

ЭВЕЛИНА

Истинные арийцы! Высшая раса! Черствость, эгоизм и ненависть друг к другу - вот что скрывается под этим вздором! Меня тошнит от всего этого. Ты посмотри на нее -
(снова кивает на дверь)

у этого ребенка отобрали все, привезли сюда, чтобы издеваться и глумиться над ней, чтобы каждый подонок мог делать с ней все, что ему заблагорассудится. Только ничего, понимаешь, н и ч е г о с ней сделать нельзя! Ее не втопчешь в грязь, сколько не унижай! У нее достоинства и человечности больше, чем у нас всех вместе взятых. Это она, а не мы - аристократка духа.

56.

ГЕНРИХ

Если не ошибаюсь, подобные мысли тебя раньше не посещали.

ЭВЕЛИНА

Посещали. Только, знаешь, с волками жить - по-волчьи выть. Легче живется, когда видишь, что все одним мирром мазаны. А теперь постоянно этот живой укор перед глазами. Я больше не могу это терпеть!

ГЕНРИХ

Ничего, потерпишь. И все-таки, какая муха тебя укусила?

ЭВЕЛИНА

(отчетливо выговаривая каждое слово)

Она пожалела меня. Понимаешь? Меня! Сытую матерую суку, от которой ничего, кроме унижений и злобы, не видела. Она! А не ты, мой драгоценный единокровный братец, и ни одна сволочь, с которой я когда-либо спала!

Эва закуривает снова и начинает ходить по комнате, натываясь на мебель. Она уже не плачет. Только лихорадочный блеск глаз выдает внутреннее напряжение, охватившее ее. Очевидно, что слова ее ничуть не трогают брата. Лицо ее приближается к лицу Генриха почти вплотную.

ЭВЕЛИНА

(издевательски гримасничая)

Ну что ж, иди к своей ненаглядной. Да только знай - твоей она никогда не будет, хоть насмерть ее затрахай! Она просто терпит, снисходит до тебя. Ей тебя, впрочем, как и меня, просто жалко. Понимаешь? Она жалеет нас - как каких-нибудь уродов!

Генрих вскакивает, пальцы его железной хваткой сдавливают ее плечи. Эва кричит от боли. Генрих с силой толкает ее.

Пролетев спиной назад полкомнаты, Эвелина падает на кровать.

С грохотом за Генрихом захлопывается дверь.

57.

99. ИНТ. ГРАФСКИЙ ДОМ. УТРО

Генрих, торопясь, выходит в прихожую. Его окликает Эвелина.

Досадливо поморщившись, он оборачивается. Эвелина не похожа на себя. Пышные, обычно уложенные по последней моде волосы сейчас свисают вдоль бледного осунувшегося лица. Темные круги залегли вокруг глаз.

ЭВЕЛИНА

Сегодня я приглашена на день рождения к фон Шлоссеру. Я буду ждать, когда ты заедешь и отвезешь меня домой.

ГЕНРИХ

Ганс отвезет тебя.

ЭВЕЛИНА

Нет, я хочу, чтобы ты это сделал!

ГЕНРИХ

Что за капризы, черт побери! Я сегодня весь день на полигоне, а потом в комендатуре до утра.

ЭВЕЛИНА

Манфред может подменить тебя на полчаса.

ГЕНРИХ

Вот сама с ним и договаривайся.

ЭВЕЛИНА

Генрих, ну хоть что-нибудь ты можешь сделать для меня?

ГЕНРИХ

Ты забываешь, что я на службе. Какнибудь в другой раз.

ЭВЕЛИНА

(зловеще)

Другого раза не будет!

Пожав плечами, Генрих скрывается за дверью.

100. ИНТ. ВОЕННАЯ КОМЕНДАТУРА. НОЧЬ

Часы показывают начало второго. Генрих в своем кабинете, отдает распоряжения младшему офицеру.

Раздается телефонный звонок. Генрих снимает трубку. Лицо его начинает вытягиваться. Выслушав сообщение, он машинально кладет трубку и сидит, не двигаясь, с помертвевшим лицом.

58.

101. ИНТ. ГРАФСКИЙ ДОМ. КОМНАТА ГЕНРИХА. УТРО

Входит Генрих. Тяжелыми шагами он приближается к креслу, садится. Сидит, обхватив лицо ладонями. Затем встает и медленно, словно сомнамбула, передвигается по комнате, раскрывая шторы на окнах. В комнату вливается солнечный свет.

На зеленом сукне письменного стола – конверт. ГЕНРИХ осторожно вынимает из него письмо, читает. (за кадром начинает звучать голос Эвелины, преодолевается на протяжении последующих четырех сцен)

ГОЛОС ЭВЕЛИНЫ

Это письмо ты найдешь, когда меня уже не будет. Надеюсь, ты не подумаешь, что причина - в твоём отказе удовлетворить мою прихоть.

102. ИНТ. ГРАФСКИЙ ДОМ. ПРИХОЖАЯ

Входная дверь открыта – из нее в полуосвещенную прихожую льется поток солнечного света. Люди в военной форме выносят наружу закрытый гроб. Вслед им смотрят плачущие Ганс и Марта.

Откуда-то снизу доносится собачий вой. Дверь закрывается. Прихожая погружается в темноту.

ГОЛОС ЭВЕЛИНЫ

Просто я устала жить в одиночестве, на которое сама себя обрекла. Я слишком рано извозилась в грязи, думая, что со временем смогу отмыться. Ерунда! Это клеймо на всю жизнь. И, главное, сразу начинаешь чувствовать, как смердит от всех.

103. НАТ. КЛАДБИЩЕ. ДЕНЬ

Гроб стоит у разверстой могилы. Вокруг множество людей.

Женщины – в изысканных траурных туалетах. Мужчины, в основном, военные. Они с непокрытыми головами. Около гроба Генрих. Его неподвижный взгляд замер на дне могилы. Рядом с Генрихом – Манфред. У него вид глубоко скорбящего человека. Священник читает мо-литву. Небо стремительно заволакивают тучи.

ГОЛОС ЭВЕЛИНЫ

Нет больше сил обманывать себя - в этом дерьме некому спасти мою грешную душу. Ведь это спасение - в любви. Да, да - в любви. Именно ее мне не хватало. Кто бы мог подумать, что я, которая так рано научилась ненавидеть, ждала всю жизнь - когда любовь придет ко мне?

(ДАЛЬШЕ)

59.

ГОЛОС ЭВЕЛИНЫ (ПРОД.)

А просто надо было любить самой, в себе искать спасение, а не ожидать от кого-то. Жаль, что я поняла это слишком поздно. И все-таки я до последней минуты ждала невероятного. На сей раз от тебя: хотя бы каплю любви, простого участия, намек призрачного, что я хоть что-то для тебя значу. Ведь у меня больше никого нет. И каприз мой неспроста - я взяла и поставила свою жизнь на карту. Называется “русская рулетка”. Только в моем барабане было два патрона – “да” и “нет”. Ты сказал “нет”. Вот теперь я уйду, а ты останешься и будешь жить с сознанием, что мог остановить меня, но не сделал этого.

104. ИНТ. ГРАФСКИЙ ДОМ. КУХНЯ. ДЕНЬ

Посреди кухни сидит Анна. Рядом – щенок. Привстав на задние лапы и опираясь о колени девушки передними, он облизывает ее мокрое от слез лицо. Марта, что-то тихо причитая про себя, переставляет с места на место кастрюли. Внезапно раздается громовой раскат, и стеной обрушивается дождь. Марта испуганно крестится и бросается закрывать окно.

ГОЛОС ЭВЕЛИНЫ

Это моя месть за твою бронированную шкуру. А еще за то, что Бог, как оказалось, тебя любит гораздо больше, нежели меня: это тебе он послал спасение, это чудо - эту девочку. О своей репутации можешь не беспокоиться. Все будет выглядеть вполне пристойно - просто двое пьяных в машине. Я только вовремя поверну руль.

105. НАТ. КЛАДБИЩЕ. ДЕНЬ

Вовсю хлещет дождь. Люди разбегаются. У свежего могильного холма стоит Генрих. Дождь поливает его, но он не замечает этого.

ГОЛОС ЭВЕЛИНЫ

Из-за скота Шлоссера, надеюсь, Бог на меня не сильно обидится. А тебе, несмотря ни на что, желаю счастья. По крайней мере, попробуй дать его ей.

(ДАЛЬШЕ)

60.

ГОЛОС ЭВЕЛИНЫ (ПРОД.)

Она, в отличие от нас, его заслуживает. Прощай. Твоя сестра Эва.

106. ИНТ. ГРАФСКИЙ ДОМ. СПАЛЬНЯ ГЕНРИХА. НОЧЬ

Генрих в постели. За не зашторенными окнами хлещет проливной дождь, сверкают молнии. Незакрытая фрамуга оглушительно хлопает, грозя вот-вот сорваться с петель.

В комнату тихо входит Анна. Похоже, Генрих спит. АННА закрывает окно, но шторы не задергивает. Подойдя к кровати, поправляет сползшее одеяло.

АННА

(по-русски)

Бедный, ты мой бедный!

Вспыхнувшая молния красиво серебрит волосы Генриха. Погладив его по волосам, Анна выпрямляется, чтобы уйти, но ГЕНРИХ ловит ее руку. Девушка вскрикивает от неожиданности.

ГЕНРИХ

Постой, не уходи.

Он обеими руками прижимает ее ладонь к своей груди. АННА присаживается рядом. Они молчат. Слышно, как гулко бьется его сердце.

АННА

Никто не виноват, что так получилось.

ГЕНРИХ

Виноват. Я виноват.

АННА

Ты? Но почему?

ГЕНРИХ

Прежде всего потому, что стал таким скотом. Просить прощения у нее уже поздно. Прости меня ты, если можешь.

Анна вскидывает на него удивленные глаза.

ГЕНРИХ

На днях по линии Красного Креста я переправлю тебя в Швейцарию.

АННА

Что я буду там делать?

61.

ГЕНРИХ

Я дам тебе денег. Ты уедешь в Америку, найдешь своих родственников и забудешь весь этот кошмар.

АННА

Германия, Швейцария, Америка... Чужие страны, чужие люди, которым нет никакого дела до меня. Даже у себя на родине я никому не нужна.

(еле слышно)

Оказывается, кроме тебя, у меня и нет никого.

Генрих зажмурился. Горло его начинает судорожно двигаться, пытаясь проглотить подкативший ком.

АННА

(с внезапной решимостью)

Хочешь, я останусь? Возьми меня.

ГЕНРИХ

Теперь я сделаю это, лишь когда этого захочешь ты.

С видимым усилием он разжимает пальцы, выпуская ее руку. АННА медленно встает и выходит из комнаты.

107. ИНТ. ГРАФСКИЙ ДОМ. КОМНАТА ГАНСА

С озабоченным видом Ганс слушает истерическую скороговорку фюрера о высадке англо-американских войск в Бретани, о героизме верных сынов Вермахта, принявших на себя первый удар вражеской армады, о дополнительной мобилизации и скорейшей переброске войск на Западный фронт.

108. НАТ. ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ ВОКЗАЛ. ЛЕТНИЙ ДЕНЬ

Идет отправка новобранцев на фронт. Вдоль длинного состава расставлено оцепление. Между составом и оцеплением движется колонна новобранцев, в основном - совсем молодые юноши и даже подростки подростки. За оцеплением - провожающие. Рев динамиков, транслирующих маршевую музыку, не может перекрыть женский плач и стенания, начавшиеся при посадке новоиспеченных солдат в вагоны.

Генрих идет вдоль состава, медленно набирающего ход. Взгляд его падает на одну из женщин за оцеплением. Она не машет платочком, не кричит что-то вслед отъезжающим, как остальные.

Только слезы из глаз и невыносимая боль окончательной потери на застывшем в маске скорби лице. Проследив направление ее взгляда, он видит двоих ребят, высунувшихся чуть ли не по пояс из окна. Абсолютно одинаковые лица братьев-близнецов, которых Генрих запомнил по тренировочному полигону.

62.

Они изо всех сил они стараются скрыть испуг и растерянность, крича что-то ободряющее матери.

109. НАТ. ЛЕТНОЕ ПОЛЕ ВОЕННОГО АЭРОДРОМА. ЛЕТНИЙ ДЕНЬ

К приземлившемуся транспортному самолету подходят несколько офицеров. На боку у каждого - полевая сумка, в руках - маленький чемоданчик. Среди офицеров Генрих.

Открывается дверца, выбрасывается трап, по нему спускается несколько человек в военной форме, все вскидывают руки в приветствии. Техники срочно заправляют самолет горючим.

На трапе показываются трое солдат с носилками. Следом за ними спускается врач и несколько раненых офицеров, которые в состоянии сойти сами. Подъезжает старый фургон неотложки.

Генрих склоняется над носилками. Лицо раненого сплошь забинтовано, свободны от бинтов только глаза. Они смотрят в солнечное небо не щурясь. Тело укрыто простыней. Поверх нее, там, где должны быть ноги, лежит полевая сумка и чемоданчик.

ГЕНРИХ

Манфред!

Но Манфред не слышит его. Офицеры поднимаются по трапу.

Генрих замыкает шествие. Складывается трап. Дверь закрывается, и самолет вырывается на взлетную полосу.

110. ИНТ. БЛИНДАЖ. НОЧЬ

Короткий час ночного затишья. Генрих лежит на походной кровати. Рядом еще несколько кроватей. На них тоже примостились какие-то фигуры. Все спят, не раздевшись, в форме. Не спит только Генрих и дежурный. Дежурный сидит за столом, на котором разложены топографические карты. Тусклым пламенем горит керосиновая лампа. Генрих закрывает глаза.

111. НАТ. РАВНИНА. ЛЕТНЕЕ УТРО

Видны какие-то строения. За ними - Генрих перед строем новобранцев. Невдалеке сквозь дым виднеется река. За ней ничего не видно. Слышны стрельба и грохот - с противоположного берега ведется обстрел места расположения немецких войск. Генрих отдает последние распоряжения. В строю - те самые близнецы, рядом - такие же мальчишки с перепуганными лицами. И вот все они уже бегут по направлению к реке с автоматами наперевес навстречу переправляющимся американцам.

63.

112. ИНТ. БЛИНДАЖ. НОЧЬ

Генрих открывает глаза. Дежурный сидит все так же, согнувшись за столом. Генрих отворачивается и снова закрывает глаза.

113. НАТ. РАВНИНА. ДЕНЬ

Стелется то ли туман, то ли дым. Все вокруг серое - и воздух, и фигуры уныло бредущих немецких солдат, и обоз с ранеными и убитыми.

Здесь же Генрих. Лицо его черно от копоти, одежда перепачкана грязью и кровью. Генрих двигается мимо одной из повозок. На ней вперемешку лежат и раненые, и умершие уже по дороге солдаты. Исковерканная, кровоточащая масса. Знакомые лица мальчишек, которых он посылал в атаку. И с краю в обнимку два тела - близнецы-братья, взгляд их мертвых глаз устремлен в небо.

114. ИНТ. БЛИНДАЖ. НОЧЬ

Застонав, Генрих открывает глаза. И тут же раздается вой падающих бомб и грохот взрывов. Офицеры вскакивают и выбегают в ночь, превратившуюся в крошечный ад.

115. ИНТ. ГРАФСКИЙ ДОМ. ПРИХОЖАЯ

Под звон входного колокольчика к двери спешит Ганс, впереди него несется еще более выросший щенок - на вид совсем взрослая собака.

В квадрате утреннего света стоит Генрих. Лицо его и мундир покрыты слоем пыли, на боку висит полевая сумка, одна рука подвешена и прижата к груди. Сзади него маячит солдат с чемоданчиком.

116. ИНТ. ГРАФСКИЙ ДОМ. СТОЛОВАЯ. УТРО

За столом сидит Генрих. У него вид абсолютно опустошенного человека. Взгляд его устремлен на пустой стул, за которым всегда сидела Эвелина.

В комнату с подносом входит Анна. Она ставит на стол блюдо с бутербродами (несколько маленьких темных кусочков хлеба, политых растительным маслом), сахарницу, кофейник, приборы. Наливает кофе в чашку.

Генрих внимательно наблюдает за этими манипуляциями. Он видит, что руки Анны еле заметно дрожат. Подняв взгляд, обнаруживает, что щеки девушки пылают. Она явно в смятении, хотя и пытается вернуть своему облику былую безмятежность. Движения ее порывисты и неловки. Она задевает какой-то из приборов, разложенных на столе, судорожно исправляет ошибку. И ладонь Генриха накрывает ее руку. Анна замирает.

64.

И вот она уже удаляется из столовой. Генрих поверх стула Эвелины смотрит ей вслед.

117. ИНТ. ГРАФСКИЙ ДОМ. КОМНАТА ГЕНРИХА

За окнами - фасады домов, залитые розовым светом вечерней зари. Редкие деревья уже тронуты осенним увяданием. В комнате полумрак, пронизанный отраженным закатным сиянием.

Из двери в ванной появляется Генрих. Он в купальном халате.

Плечо и раненая рука обнажены и на ней виден длинный свежий рубец от рваной раны. Медленно сгибаемая и разгибаемая неподатливую руку, Генрих подходит к окну. Он наблюдает, как на одном из балконов дома напротив светловолосый

мальчик кормит хлебными крошками птичку в клетке. Нелепым контрастом с этой идиллической картиной смотрится флаг со свастикой, укрепленный на фронтоне дома.

Генрих направляется к комоду, на котором теперь установлен патефон Эвелины. Включает бра, ставит пластинку.

(ЗА КАДРОМ звучит Вагнер, начиная с этого момента и на протяжении трех последующих сцен).

Взгляд Генриха падает на фотографию, с которой победно улыбается совсем еще молодой и беззаботный Генрих. Руки его в боксерских перчатках торжествующе вскинуты, на груди - золотая медаль и широкая лента с надписью: "Чемпион Вермахта".

118. НАТ. МЮНХЕН. ДЕСЯТЬ ЛЕТ НАЗАД. ГОРОДСКАЯ ПЛОЩАДЬ. ЛЕТНИЙ ДЕНЬ

Множество народу - идет митинг НСДАП. Выступает сам Адольф ГИТЛЕР, еще только будущий фюрер Германии. Вокруг импровизированной трибуны - собратья по партии.

Чуть поодаль - группа молодых людей в полувоенной форме.

Среди них Генрих. Какие-то мужчины дают им куртки от рабочих спецовок, которые молодые люди тут же одевают, преобразаясь в представителей рабочего класса.

Внезапно всеобщее внимание привлекает появление демонстрантов, вливающих на площадь из боковой улицы. Это оппозиционеры. Молодчики из охраны Гитлера и просто его приверженцы, в том числе и Генрих, устремляются к идейным врагам. В мгновение ока разметают они демонстрацию. Горстка оппозиционеров во главе со знаменосцем попыталась скрыться, но Генрих догоняет их, в короткой схватке одерживает победу, оставив лежать их на мостовой.

Затем он поднимает их красное знамя и, поднеся его к потрясенному кумиру, кладет к его ногам.

65.

119. НАТ. МЮНХЕН. ПЕРЕД ВХОДОМ В КАФЕ "ХЕКА". ВЕЧЕР ТОГО ЖЕ ДНЯ

У входа толпятся люди. Подъезжает несколько автомобилей. Из одного из них выходит Гитлер. Охрана бесцеремонно расталкивает зевак, освобождая дорогу будущему фюреру. Вход охраняют два молодца гренадерского роста и более чем внушительной комплекции. Один из них - в форме курсанта военного училища - Генрих. Оба они стоят, вытянув руки в фашистском приветствии.

Гитлер останавливается перед Генрихом, задирает голову и с умилением взирает на него. У него даже наворачиваются слезы на глазах.

ГИТЛЕР

Вот будущее нашей великой Родины, гордость арийской нации! Настоящий элитный экземпляр нордической расы! Вот таким парням, как этот, по плечу идея сверхчеловека. Для таких парней она и создавалась!

120. ИНТ. ГРАФСКИЙ ДОМ. КОМНАТА ГЕНРИХА

Генрих переводит взгляд на соседнюю большую фотографию. На ней торжественно убранный зал. На стене плакат:

“Слава героям штурма Эль-Аламейна!”. С десятков офицеров выстроены в шеренгу. Среди них возвышается Генрих.

Рядом - другая фотография той же сцены, на которой ГЕНРИХ заснят с близкого расстояния. Какой-то высокий чин вешает ему на грудь Рыцарский Крест.

Прицелившись, Генрих отвешивает щелчок прямо в лоб своему изображению.
(музыка за кадром резко смолкает)

121. ИНТ. ГРАФСКИЙ ДОМ. НОЧЬ

122. ГУВЕРНЕРСКАЯ

Горит ночник. Анна в постели, но не спит. Она смотрит на тонкую полоску света, выбивающуюся из-под двери, ведущей в гардеробную. Медленно она откидывает одеяло, садится на краешек. Нога ее нерешительно тянется к тапочку.

Вдруг она слышит какое-то движение за дверью и тут же бросается снова в кровать, накрывшись с головой.

Через некоторое время она осторожно высовывается из-под одеяла. Слышит, как Генрих, выйдя из ванной, помедлив около ее двери, уходит к себе в комнату.

66.

Вскоре оттуда доносится тихая музыка. Это “Серенада” Шуберта.
Осторожно ступая, девушка направляется к двери гардеробной.

123. КОМНАТА ГЕНРИХА

В приоткрытую дверь заглядывает Анна. В кругу света, образованного зажженным абажуром, сидит Генрих. Неподалеку, у одного из окон на маленьком столике - ваза с яблоками и пепельница, полная окурков. Окна завешены плотными маскировочными шторами. Крутится пластинка.

ЗА КАДРОМ на протяжении всей сцены звучит музыка Шуберта.

Генрих сидит спиной к двери на стуле, широко расставив ноги, свесив голову. Он в военных брюках-галифе и кителе на голое тело. Видно, как напряглась его спина, кажется, китель вотвот лопнет по швам. Генрих не оборачивается.

Анна обходит Генриха. Взгляд его неподвижно застыл на сложенных в замок ладонях. Анна берет его руки в свои, встав на колени, заглядывает ему в лицо. Оно сведено в судороге адского напряжения, глаза зажмурены. Анна с трудом разжимает ему руки и подносит их к своим щекам. Генрих медленно открывает глаза и видит в своих ладонях ее улыбающееся лицо.

Не веря себе, он откидывается назад и снова закрывает глаза.

Тогда ее губы прижимаются к одному его веку, затем к другому, как бы подтверждая правоту увиденного. Она садится к нему на колени и начинает гладить его лицо, шею, грудь. За рукой следуют губы. Она словно стирает патину времени со статуи, извлеченной из глубины веков, с волнением узнавая давнее забытое божество и одновременно устанавливая свою власть над каждым кусочком тела оживающего фантома. Ее губы словно ставят печать - это мое! И это мое! И это тоже мое!

Генрих сидит, по-прежнему откинувшись на спинку стула.

ГЕНРИХ

(с усилием открывая глаза)
Ты не уйдешь?

АННА

Нет.

Он поднимает ее, укладывает на здоровую руку и носит по комнате, прижимая к себе и баюкая, как ребенка. Потом кладет ее на кровать, гладит и целует ее волосы. Слово "скупой рыцарь" из недр просторной ночной рубашки Анны он начинает извлекать живые сокровища - части ее тела - любоваться ими, ласкать и снова заботливо прятать в складках тонкого полотна.

На лице девушки разлито блаженство. И только мысль о неизбежности естественной развязки время от времени всплывает в ее мозгу: черты лица ее заостряются, когда ГЕНРИХ принимается за наиболее укромные части тела. Но Генрих, очевидно, и не помышляет ни о какой развязке. Поняв это, АННА успокаивается.

67.

И тут с ней начинает происходить нечто необъяснимое. Дыхание учащается. Напряженный взгляд сосредотачивается в невидимой точке. Генрих ласкает живот Анны, и вдруг до него доносится ее шепот. Он замирает, не веря услышанному. Его лицо приближается к лицу девушки.

ГЕНРИХ

Повтори, что ты сказала?

АННА

Это так странно... Я не знаю, что со мной происходит.

ГЕНРИХ

Нет, не это. Повтори, что ты сказала перед этим.

АННА

(отчетливо проговаривая каждое слово)
Я тебя хочу.

С шумом распахивается. Крупные красные яблоки катятся по полу, пока их не накрывает сброшенная Генрихом одежда. Штора повисает на створке окна, из которого видно ночное небо. Оно беспокойно: вспышки далеких взрывов освещают его.

124. НАТ. ЗА ОКНОМ

На фоне мерцающего временами неба город смотрится черным рваным силуэтом. Ни единого проблеска света - полная светомаскировка словно стерла город, а с ним и все живое.

Вдруг слышится автоматная очередь. Стая птиц с пронзительным криком взмывает в озарившееся на мгновение

небо. И снова тишина и темнота. Только одно пятно света - это распахнутое настежь окно комнаты Генриха.

125. ИНТ. КОМНАТА ГЕНРИХА

Генрих и Анна лежат с устремленными в потолок взглядами. Лица их бездумно счастливы.

АННА

Что это было?

ГЕНРИХ

Ты стала женщиной. Моей женщиной.

АННА

Я не думала, что это бывает т а к.

ГЕНРИХ

Я тоже не знал... Спасибо тебе.

АННА

За что?

68.

ГЕНРИХ

За то, что я люблю. За то, что счастлив. За то, что снова поверил в Бога. За то, что ты сделала меня человеком. Ведь я больше не зверь? Правда?

АННА

(поворачиваясь и забрасывая руку ему на шею)

Ты? Ты самый необыкновенный и родной мне человек на свете.

ГЕНРИХ

Необыкновенная - ты. Тебе удалось вдохнуть душу в бесчувственного истукана.

АННА

Просто злой волшебник заколдовал тебя, а я расколдовала. Вот и все.

Она смеется, снова откинувшись на спину.

ГЕНРИХ

Господи, спасибо тебе, что не отвернулся от меня, за то, что послал ангела, за то, что этот ангел самая прекрасная женщина на земле!

АННА

Я люблю тебя.

У Генриха вырывается стон.

ГЕНРИХ

Господи, спасибо тебе!

С улицы доносится вой воздушной тревоги. Раздается стук в дверь. Слышится голос Марты и возбужденный собачий лай.

126. ИНТ. КОРИДОР

Перед дверью в комнату Генриха стоит Марта. Она уже не стучит. На лице у нее попеременно отражается то решимость - и она подносит руку к двери, а пес вытягивается при этом в струнку, то смирение - и она опускает руку. Пес присаживается и тихо скулит.

МАРТА

Пойдем, дружок, не до войны им сейчас!

Тихо шепча слова молитвы, Марта уходит. За ней понуро плетется собака.

69.

127. ПОЗЖЕ. КОМНАТА ГЕНРИХА

Углы комнаты темны. В распахнутое окно пробираются первые солнечные лучи и освещают постель. Анна лежит с закрытыми глазами.

ГЕНРИХ

(скосив глаза на Анну)

Сознайся, раньше тебе это казалось отвратительным?

АННА

Да, я даже считала, что ты болен.

ГЕНРИХ

А теперь?

АННА

А теперь заболела и я.

ГЕНРИХ

Тебе нравится эта болезнь?

АННА

(открывая глаза, с воодушевлением)

Да, да, да! Теперь я всегда буду ею болеть

(серьезно)

И ты, пожалуйста, будь со мной. Не оставляй меня, ладно? Мы должны быть вместе!

ГЕНРИХ

В конце концов, мы будем вместе, чего бы мне это не стоило.

Анна, увидев его посуровевшее лицо, пытается задать вопрос, но Генрих закрывает ей рот поцелуем.

128. НАТ.ИНТ. ЛАНДСБЕРГ. ПЛОЩАДЬ ПЕРЕД ХРАМОМ. ВЕЧЕР

Храм темным силуэтом вырисовывается на фоне закатного неба. Безлюдно. Ветер срывает с деревьев осеннюю листву.

(за кадром речитативом звучит молитва)

Внутри храма темно, и только у самого аналая горят свечи.

(голос священнослужителя звучит громче)

Издали на фоне освещенного пятна видна спина крупного мужчины в военной форме и рядом - хрупкая женская фигурка. Контур их очерчен светящимся ореолом. Это Генрих и Анна. Они венчаются. Обряд совершает пастор Хольст.

70.

Не отрывая остановившегося взгляда друг от друга, наощупь, Генрих и Анна обмениваются обручальными кольцами. И только после этого они опускают глаза вниз. Ладони выпрямлены, пальцы соприкасаются. На безымянных пальцах золотом мерцают кольца. По окончании таинства священник, неся в руке канделябр,

провожает Генриха и Анну к боковому приделу. Останавливаются у двери.

ПАСТОР

Что вы решили, граф?

ГЕНРИХ

Только она одна.

ПАСТОР

Я думаю, это правильное и справедливое решение. За все надо отвечать.

(опустив глаза, в раздумье качает голоой)

Я думаю, это можно будет осуществить в ближайшее время.

Анна переводит непонимающий взгляд на Генриха. ПАСТОР благословляет их и, отворив дверь, смотрит вслед их удаляющимся фигурам.

171. ИНТ. ГРАФСКИЙ ДОМ. ГОСТИНАЯ. ДЕНЬ

Анна смотрит в окно. К дому подъезжает автомобиль. Из него выходит Генрих. Быстро поднимает глаза кверху. При виде Анны озабоченное его лицо светлеет.

Генрих входит в гостиную. Посадив Анну себе на колени, он гладит и перебирает ее волосы, вглядывается в ее лицо, словно стараясь запомнить как можно лучше его черты.

ГЕНРИХ

Любимая, скоро здесь будет настоящий ад. Я хочу переправить тебя в безопасное место, в страну, где не стреляют, и где не рвутся бомбы. Там о тебе позаботятся.

АННА

Ну вот опять! И почему ты говоришь только обо мне? А как же ты? Что собираешься делать ты?

ГЕНРИХ

Мне предложили возможность выбраться отсюда в одну из латиноамериканских стран в обмен на очень важный документ.

71.

АННА

И ты отказался?

ГЕНРИХ

Да. Это стоило бы жизни многих людей.

По лицу Анны потекли слезы. Генрих целует ее мокрое лицо, сглатывая горечь их несостоявшегося, невозможного в этом мире счастья.

ГЕНРИХ

Пойми - я не могу купить себе жизнь, а тем более счастье, за счет жизней нескольких тысяч болванов вроде меня. Я такой же преступник, как они. Нас всех надо судить. И если Бог и люди когда-нибудь смогут меня простить, то я хочу и дальше жить в этой стране и носить свою фамилию, с которой в конце концов будет снято клеймо военного преступника. Я хочу, чтобы ты и наши дети называли себя фон Далау, не испытывая при этом чувство стыда. (с невеселой усмешкой)

К тому же, без этого на том свете мне не видать тебя как своих ушей. А этого я допустить не могу.

Слезы на лице Анны высыхают. Она даже пытается улыбнуться шутке Генриха.

АННА

В таком случае, я остаюсь здесь, с тобой. И даже не пытайся избавиться от меня!

130. ИНТ. ГРАФСКИЙ ДОМ. КОМНАТА ГЕНРИХА. ВЕСЕННИЙ ДЕНЬ

Стекла окон заклеены полосками бумаги крест-накрест. Лицом к окну стоит Анна. Она распахивает окно. Внизу перед графским домом несколько цветущих деревьев. В доме напротив все окна тоже заклеены бумагой. Но флага со свастикой уже нет. На знакомом балконе - клетка с птичкой, балконная дверь закрыта и заклеена бумагой. Птица беспокойно мечется в клетке. В абсолютной тишине, разлитой над улицей, отчетливо слышно ее щебетанье.

Анна поворачивается и направляется к комоду. Фигура ее свидетельствует о том, что совсем скоро она станет матерью.

Выдвинув ящик, она что-то ищет в нем.

Внезапно возникает быстро нарастающий звук самолетного двигателя. Анна замирает на мгновение, затем бросается

к двери. Но покинуть комнату она не успевает.

72.

Раздается пронзительный свист падающей авиабомбы. Затем оглушительный грохот и звон стекла. В комнате становится темно, как ночью.

Постепенно клубы пыли и дыма рассеиваются. В разбитое окно видно, что от дома напротив осталась только одна фасадная стена.

Анна лежит на полу, она без сознания. С перекошенным от ужаса лицом в комнате появляется Марта и бросается к Анне. Кое-как она перетаскивает ее на кровать.

С улицы доносится звук резко тормозящего автомобиля, затем хлопанье входной двери и быстрые шаги за дверью. Дверь распахивается, вбегает Генрих и кидается к Анне.

ГЕНРИХ

Что с ней? Она жива?

МАРТА

Она контужена! Бедная девочка, что будет с ней? Что будет с ребенком?

ГЕНРИХ

Ну вот и все. Пора.

Он исчезает на время, чтобы появиться с пакетом и большой шкатулкой в виде сундучка в руках. Марта в это время вытирает Анне лицо носовым платком. Перед ее взором предстает содержимое шкатулки - все фамильные драгоценности графов Далау.

ГЕНРИХ

Пожалуйста, сохрани это для нее. А здесь -
(вытаскивает листок бумаги из пакета)

адреса ее родственников в Америке, по которым ее можно будет отыскать. Надеюсь, она туда попадет.

Потом, вынув из выдвижного ящика письменного стола лист бумаги, сосредоточенно пишет. Движения его замедленны, словно в невесомости. Отстраненный взгляд.

ГОЛОС ГЕНРИХА

(за кадром)

Родная, знай, что я всегда с тобой. И не волнуйся - со мной ничего не случится. Просто это - испытание, через которое мы должны пройти. Береги себя и малыша. Я обязательно найду вас, и мы никогда больше не будем расставаться. Любил, люблю и буду любить всегда. Твой Генрих.

Закончив писать, он достает из пакета паспорт Анны, фотографии, адреса ее родственников и пачку долларов.

73.

Все это он заворачивает в лист бумаги со своим посланием и перекладывает в аннин шейный “медальон” и, надев ей его на шею, прячет в складках ее одежды. Опустившись на колени, смотрит долгим взглядом в лицо любимой, гладит ее живот, который под его рукой начинает двигаться. Уронив голову, зарывается лицом в ее волосы. Отстранившись, снова смотрит на нее и бережно отводит пряди волос, упавшие на ее щеку. Медленно встает.

Взгляд его падает на онемевшую Марту. Из кармана он достает бумажник и вкладывает его в руки Марте.

ГЕНРИХ

Это вам с Гансом на первое время.

Быстрым движением Генрих снимает ковер с дивана и спускается с ним вниз

131. НАТ. ПЕРЕД ДОМОМ

Вынув заднее сиденье в машине, расстилает ковер на полу.

132. ИНТ. В ДОМЕ

Прихватив по дороге со стола белую скатерть, он входит в свою комнату. Марта, недвижимая, по-прежнему стоит посреди комнаты, нелепо зажав бумажник меж пальцев. Рядом с нею с растерянным видом стоит Ганс. Анна все еще без сознания.

Генрих берет ее на руки.

ГЕНРИХ

Спасибо вам за все. Прощайте! Бог даст - свидимся!

С Анной на руках Генрих выходит из комнаты.

133. НАТ. ПЕРЕД ДОМОМ

Генрих внизу около автомобиля. Он укладывает Анну на ковер и накрывает сверху сиденьем так, что оно образует домик над нею.

Распрявившись, он бросает последний взгляд на дом. В проеме распахнутой входной двери Ганс отдает честь. Рядом - рвущийся с привязи пес. В окне плачущая Марта осеняет их крестным знаменем.

134. НАТ. УЛИЦЫ МЮНХЕНА. АВТОМОБИЛЬ (В ДВИЖЕНИИ)

Навстречу автомобилю Генриха небольшими группами двигаются люди, нагруженные узлами и чемоданами. Патрульные с удивлением провожают взглядами машину Генриха. Какой-то солдат что-то предостерегающе кричит ему вслед.

74.

По аллее из цветущих деревьев автомобиль подъезжает к указателю “Ландсберг”. Генрих выходит и укрепляет скатерть над машиной, зацепив ее между задней дверцей и крышей автомобиля. Садится за руль и резко трогает с

места. Скатерть реет над автомобилем подобно белому флагу.

135. НАТ. УЛИЦЫ ЛАНДСБЕРГА

Автомобиль въезжает в городок. На улицах - ни души. Некоторые здания объаты пламенем. Кое-где лежат трупы немецких солдат. Слышны одиночные выстрелы. Внезапно автомобиль обстреливают пулеметной очередью. Но Генрих скрывается в спасительной дымовой завесе.

Автомобиль осторожно продвигается по узкой улочке. Впереди угадывается силуэт храма. Но вот совсем рядом сквозь дым проступает длинный металлический предмет. Лобовое стекло автомобиля замирает в нескольких сантиметрах от него. Это - дуло танка.

Тут же из дыма возникает несколько фигур - солдаты в форме американских десантников. У одного из них - капитанские погоны. Они окружают автомобиль. Генрих выходит из машины, отбрасывает в сторону пистолет и поднимает вверх руки.

ГЕНРИХ

(по-английски)

У меня есть план минирования военных заводов Мюнхена. Я хочу передать его вашему командованию.

КАПИТАН

(с дурашливой улыбкой)

Неплохо, неплохо. Надеюсь, вы не будете утверждать, что не имеете отношения к одетому на вас мундиру, и что оосчастливили нас своим посещением только из чувства глубокой симпатии к американскому народу?

Солдаты весело смеются.

ГЕНРИХ

Не буду.

КАПИТАН

Тогда - добро пожаловать в плен, господин майор!

ГЕНРИХ

У меня только одна просьба: я хочу видеть пастора этой церкви.

75.

КАПИТАН

О, этого чудного старикана? О'кей! На ваше счастье он там, помогает раненым.

Появляется пастор Хольст.

ГЕНРИХ

Она там

(кивает в сторону машины)

Она контужена. Ее надо немедленно доставить в госпиталь: в любой момент могут начаться роды.

ПАСТОР

Здесь неподалеку идет отправка раненых. Санитарными автобусами их повезут в Нюрнберг, оттуда - поездом - в Нормандию, а дальше на плавучем госпитале переправят в Штаты. Мы можем успеть, если поторопимся.

На глазах у ошалевших американцев Генрих выкидывает из машины сиденье и достает оттуда Анну.

ГЕНРИХ

Могу я отнести ее к санитарному автобусу?

Переглянувшись, американцы пропускают вперед Генриха и идут следом.

136. НАТ. У ПЕРЕДВИЖНОГО МЕДПУНКТА

Отправка раненых уже закончена. Водитель последнего автобуса заводит мотор, а хорошенькая МЕДСЕСТРА взялась было за дверцу, чтобы сесть в кабину. Но она замирает, пораженная необычным зрелищем: в окружении трех американских солдат и немецкого пастора к ним направляется офицер Вермахта. На руках он несет беременную женщину.

ПАСТОР

(кричит)

Подождите, подождите! Возьмите с собой женщину, русскую женщину!

Из кабины выходит водитель и начинает спорить с пастором. От медсестры не укрывается, как красив и статен немецкий офицер, как молода и прелестна девушка. А Генрих смотрит на Анну, не замечая, что по лицу его текут слезы. Окружающие в замешательстве смолкают.

Медсестра открывает дверь салона, где битком набито ранеными, достает носилки и вдвоем с одним из сопровождающих солдат освобождает немного места в проходе. Генрих укладывает Анну на носилки, и дверь за нею захлопывается.

76.

МЕДСЕСТРА

(кричит ему на ходу)

Не волнуйтесь, с ней все будет хорошо

Она запрыгивает в кабину, дверь за ней захлопывается, и автобус трогается. Генрих смотрит ему вслед, пока он совсем не исчезает из виду.

Кто-то трогает Генриха за рукав. Это самый молодой из сопровождающих его десантников. Он растерянно хлопает длинными, как у девушки, ресницами.

ДЕСАНТНИК

Пора, господин майор!

There are no comments yet.